

ЛАРИСА СОБОЛЕВА

ТАМ,
ГДЕ НАСТОЯЩЕЕ
ПЕРЕПЛЕТАЕТСЯ
С ПРОШЛЫМ, —
ВОЗМОЖНЫ
НЕОЖИДАННЫЕ
ПОВОРОТЫ
СУДЬБЫ...

**ПЛЯСКИ
ПРОСТАКОВ**

ДЕТЕКТИВ ПО НОВЫМ ПРАВИЛАМ

Лариса Соболева

Пляски простаков

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9527502

Соболева, Лариса. Пляски простаков : [роман] : АСТ; Москва; 2015

ISBN 978-5-17-087726-3

Аннотация

Роза Ибрагимова, отправившись с гастрольями танцевального коллектива в Турцию, оказалась бесправной рабыней в жутком притоне... Но ей, единственной из всех, удалось выжить и добраться домой. Опасаясь преследований, Роза и ее мать решают скрыться из родного города, но накануне отъезда их убивают. В ходе расследования оперативники обнаруживают загадочную записку, которую Роза спрятала под подушкой и которая не только не прояснила обстоятельств жестокого убийства, но и добавила еще больше вопросов. Кому была адресована записка? Что в ней – предупреждение или крик о помощи? Тогда еще никто и не предполагал, что это послание окажется ниточкой к банде работоторговцев двадцать первого века...

Ранее книга выходила под названием «Луна за решеткой»

Содержание

I. Дочка	5
1	5
2	12
3	18
4	28
5	38
6	51
II. Не забудьте о вашей Розе...	56
1	56
2	62
3	70
4	77
5	89
6	98
7	104
8	113
III. Два притопа – три прихлопа	122
1	122
2	131
Конец ознакомительного фрагмента.	132

Лариса Соболева

Пляски простаков

© Л. Соболева

© ООО «Издательство АСТ»

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

I. Дочка

1

Всеволод бежал по коридорам и лестницам. На ходу здоровался, отвечал на традиционные вопросы: как провел время, хорошо ли отдохнул и тому подобное. Недели хватило, чтобы соскучиться по работе и конечно же по Руслану. К Руслану и летел на всех парах, мечтая не только о встрече. Первое серьезное дело, в котором участвовал Всеволод, с блеском завершленное в середине мая, принесло славу, недельный отпуск и, что совсем редко случается, – премию. Успех окрылил, весенние события виделись теперь в романтически-приключенческом разрезе, а это сильно подогрело, хотелось еще чего-нибудь не менее острого.

И вдруг Сева резко затормозил, глупо открыв рот. По длинному коридору шла... не шла, а вышагивала особа примерно лет двадцати. Ранее он не видел ее здесь, а просто так по этим коридорам девушки не гуляют, отсюда вывод: она в этом домике своя. Все местные мужики, естественно, сворачивали шеи и алчно смотрели ей вслед. Впрочем, было на что смотреть: высокая, с молочной кожей, особенно выделяющейся белизной в темноватом коридоре, шатенка с длинными прямыми волосами, с крупными чертами лица, не ху-

дая и не толстая. Она шла уверенно, гордо, с достоинством топ-модели. Таких девушек сильный пол побаивается, ибо не видит в них слабости. Она поравнялась с Севой, он посторонился, уступая дорогу. Девушка прошла мимо, независимая, и даже не покосилась в его сторону. Кто-то Севу толкнул:

– Рот закрой, а то кишки застудишь.

Руслан! Сева исторг радостный вопль, по-мальчишески подпрыгнув. Они обнялись, словно не виделись лет сто, потом двинули к кабинету.

– Кто такая? – спросил Сева, кивнув головой назад.

– Дочка, – скупно сообщил Руслан.

– Чья?

– Зампрокурора.

Исчерпывающий ответ. Больше и знать ничего не надо. Но Севу разобрало:

– А что она здесь делает?

– Работать будет, – враждебно сказал Руслан и состроил мину свирепую. – Знаешь кем? Слова такого нет! Она будет оперативницей.

– Кем, кем, кем? – переспросил Сева, хотя прекрасно все понял. Просто слово «оперативница» прозвучало дико. Подобного еще не было под этой крышей.

– Тем же, кем и ты. Дочка зампрокурора закончила милицейскую бурсу то ли в Ростове, то ли в Свердловске, то ли еще где. Там у папы друг, он и помог поступить.

– Иди ты! А папа не мог ей место в прокуратуре добыть?

Там тепло.

– Она не хочет, – с необоснованной ненавистью процедил Руслан. – Это все кино и книжки, от них только вред, вот и стукнуло ее по голове стать опершей. Ну, знаешь: пистолет в руке, бандит на мушке, а она круче отвесной скалы. Сева, ты где-нибудь слышал, чтобы корова была оперативницей? Да еще сопливая корова?!

– Вообще-то... я сам, конечно, не видел, но говорят, сейчас берут женщин...

– Чушь собачья! – отмахнулся Руслан. – Это у них там, по ту сторону Кавказского хребта. А у нас, по эту сторону хребта, такого нет и не будет. Да, пожалуйста, пускай идет в следаки, трясет воров и хулиганов. Кто против? Я – нет. А ей захотелось – слышишь – захотелось! – оперативницей стать. Ну, я ей покажу... и папа не поможет.

– Да брось, на фиг тебе проблемы? Девчонка потешится и рванет отсюда.

– Нет, это дело чести. Мы и в засаде сидим, и в перестрелках бываем, и ползаем... О чем будет думать опер, видя перед собой не мужскую задницу? А как она станет преступников брать? Извиняться и слезно просить руки поднять? Ее застрелят в первой же переделке. Дочка у меня теперь заноза в печенке. И в селезенке.

В отличие от Севы Руслан был немногословный, из него клещами приходилось все выдирать, но, видимо, Дочка его сильно по нервам ударила. Они вошли в кабинет, Руслан

уселся за стол, а Сева запрыгнул на подоконник. Из открытого окна доносился шум, какой бывает только летом. Начался курортный сезон, в город потянулись первые бледнолицые подправить окрас кожи, значит, прибавится работы. В начале июня море еще холодное, но пляжи уже не пустуют, народ лезет в воду, несмотря на тучи и даже дождь. А на рынке взвинчиваются цены, чем очень недовольны местные жители. Летом город никогда не бывает в покое, он гудит, живет, пестрит яркими одеждами и разнообразными лицами, заполняется до отказа – яблоку негде упасть.

А Руслан, пристально изучая молодого друга, усмехнулся:

– Ну и рожу ты отъел. Всего за неделю. Где гулял?

– Когда живешь на берегу Черного моря, получается, что в отпуск ехать некуда. Не мчаться же к Ледовитому океану? Я там замерзну. А более теплые края находятся за кордоном, а на «закордон» бабки нужны не хилые. На хутор ездил к бабуле. Она меня с утра до ночи кормила парным молоком, мясом и хлебом. Моя бабуля сама хлеб печет по старинке. Знаешь какой? Тает во рту! Ты как? Звание вернули?

– И не только.

Руслан загадочно улыбался, сиял, как новый рубль, значит, произошло нечто исключительное. Всеволод мимически изобразил, мол, не понял, чем и вынудил друга расколоться до конца:

– И вернули... и повысили. Мы теперь... то есть я... майоры.

– Вах! – прыгнул с подоконника Сева и кинулся обнимать его. – Это... это... Справедливость восторжествовала!

– Так это ж еще не все, – отстранился от него Руслан с шутиво-гордым видом. – Сядьте на место, лейтенант. С сегодняшнего дня я начальник, ты дурак. Не въехал? Ну, я старший оперуполномоченный уголовного розыска.

– Ух ты! – неподдельно изумился Сева. – Вовремя упало дело Алекса. Здорово. Нет, у нас не соскучишься: то ни за что лишают звания, то возвращают с процентами. Весело. Слушай, я как-никак тоже принимал участие, помогал вам, товарищ майор, стать майором, гоните магар.

– Поехали, – легко согласился Руслан и встал.

В коридоре столкнулись с девушкой под кодовым названием Дочка. Она подпирала спиной стену у кабинета начальника УВД. Руслана от ее вида в короткой юбке и с распущенными волосами перекосило. Он сказал, что выкатит машину, и пролетел мимо Дочки, словно та чумная. А Сева решил познакомиться, чего тянуть? Он подошел к ней очень близко. Прислонился плечом к той же стене, которую подпирала она, и нахально стал изучать ее хорошенькое личико, которому место на обложке журнала, но не в ментовке, тут Руслан прав тысячу раз. Дочка сначала скосила на него хитрющие глаза, затем повернулась лицом к лицу, опершись плечом о стену точь-в-точь, как он. В довершение надменно усмехнулась и поставила руку на бедро. В общем, поза вызывающая. Сева потянул носом. Запах едва уловимых духов, смешанных

с женским ароматом, сдавил горло. Он сделал глотательное движение и спросил с улыбкой:

– И где же нас таких делают?

– На кровати мама с папой, – выдала она без паузы.

Он выпятил нижнюю губу: Дочка языкаястая, с характером. Скользнув по ее фигуре оценивающим взглядом, отметил, что до «коровы» ей далеко, но на породистую лошадку тянет. А она ждала, что он скажет, не снимая усмешки. Но Севу смутить было трудно:

– И как же нас назвали те, кто делали?

– Допустим, Фрося.

– Фрося... – покивал он головой с пониманием. – Очень емкое имя, такое... простое, такое... доступное... деревенское... и запомнить легко. А я Всеволод. Что вы, Фрося, делаете сегодня вечером?

– Сдаю на разряд по боксу, – с вызовом ответила она.

Врет, конечно. Всеволод ей не приглянулся – это странно. Женский пол был равнодушен к синеглазому оперу, к тому же остряку, весельчаку, не глупцу. Он очень и очень, а этой... Дочке (!) не пришелся по вкусу. С жиру, похоже, бесится.

– Разряд по *женскому* боксу? – нарочито серьезно спросил он.

– А такой есть? – в тон спросила она.

– Раз вы занимаетесь боксом, значит, есть. Жаль, что вечером вы предпочитаете кулачные бои. А я хотел поделиться

опытом с вновь прибывшей в наши ряды, чтобы вы не набили шишек.

– Опыт надеюсь приобрести сама, – коварно сказала она. – А шишки... я занималась теннисом, все шишки отпариваю.

Ну да, отпаривает с помощью папы. К счастью, ибо Сева впервые в жизни не знал, что говорить дальше, открылась дверь. Вышел пожилой и крупный мужчина с почерневшим лицом, пошатываясь и ссутулясь, он побрел по коридору к выходу.

– Дианочка, заходи! – донеслось из кабинета.

Дочка, крутанувшись на высоких каблуках с видом победительницы, скрылась внутри. Сева почесал затылок, разочарованно глядя на дверь, и побежал к выходу.

2

На улице его внимание привлек мужчина, который вышел из кабинета начальника. На слабых ногах он дошел до угла, уткнулся лбом в стену и напряженно замер. Сева рванул к нему:

– Отец, тебе плохо? Чем помочь?

Тот неожиданно... заплакал. Беззвучно, только сотрясалась спина да лицо исказило страдание. Не по себе стало Всеволоду от вида здорового мужика, который горько плакал. Молодой человек растерялся, оглядевшись, увидел Руслана, махавшего ему из автомобиля. Сева тоже махнул рукой, дескать, подожди, и взял мужчину за плечи:

– Отец, ты присядь, присядь... Вон скамейка. Дойдешь?

Тот непонимающе посмотрел на юношу, потом перевел взгляд на скамью неподалеку, закивал, давая понять, что дойдет. Сева поддерживал его до скамьи, усадил, в это время к ним подошел Руслан с немым вопросом: что случилось?

– Да плохо мужику, – объяснил Сева. – Я видел, как он выходил из кабинета начальника.

– Отказали... – вдруг пробубнил мужчина. – Все отказали... Все...

– Кто отказал, в чем? – И Руслан сел рядом с ним.

– Дочь пропала, а они... – кивнул он в сторону управы, – отказали.

На вид ему было лет шестьдесят, но это был крепкий мужик, сильный. Обветренное и загорелое лицо – такие встречаются лишь у рыбаков, большая часть жизни которых проходит в море на открытом пространстве, – неестественно почернело. Глаза, выцветшие на солнце, оттого белесые, он утирал большими, тоже загорелыми ладонями. Этот загар настолько въедается в кожу, что остается до конца жизни. Мужик не стыдился слез, потому что беда его была ни с чем не сравнима, потому что боль, застрявшая в сердце, вырвалась наружу. Достав валидол, он бросил в рот таблетку и сидел, уставившись под ноги, продолжая вздрагивать от беззвучных рыданий.

– Ты успокойся, отец, и расскажи толком, – предложил Руслан.

– А... – махнул тот безнадежно рукой. – Мне теперь никто не поможет. Начальник так и сказал: никто.

На Севе и Руслане не было формы, а на лбу не написано, кто они есть. Оба заинтересовались: что ж такое произошло, раз и помочь некому? Искать пропавших людей милиция не отказывается, а мужику отказали? Сева подсел с другой стороны:

– А все же расскажи, отец. Может, и придумаем что.

Тот мельком взглянул на обоих – не впечатлили. Однако держать в себе обиду и горе, видимо, уже не было сил, и он начал неторопливо:

– Дочка у меня... был и сын, но погиб в первую чечен-

скую. А дочка поздняя, в прошлом году только восемнадцать исполнилось. Красивая как куколка. В сентябре прошлого года увидела объявление, ну, группу набирали для работы за рубежом. Она танцует хорошо. Пошла на конкурс, ее и взяли. Занимались они где-то месяц, программу готовили, костюмы шили. Им загранпаспорта сделали, визу, контракты подписали... Ну, я в этом мало понимаю, вроде все хорошо получалось. А в самом конце октября отправились в Турцию. Мы с матерью провожали в порту, они на корабле уплывали. Вот так уплыла, и ни слуху ни духу о ней. Один раз позвонила, сказала, что на месте, и все.

Руслан и Сева переглянулись. Слухи о подобных пропажах за бугром давно ходили, а конкретных заявлений от населения не поступало. Однако дело это действительно безнадежное. Мужика окончательно пугать не стали, Руслан лишь спросил:

– А кто-нибудь из ее подружек поехал с ней?

– Поехали две. Одна, говорят, вернулась – Роза Ибрагимова, но я не видал ее. Ездил к ней домой несколько раз – не открывают. Вроде дома никого нет. Так ничего и не знаю.

– Где, в каком месте готовили программу?

– Да вроде в ДК. Помещение снимали там, кажется.

– У твоей дочери есть подруги, которые участвовали в конкурсе, но их не взяли?

– Да, – оживился он и более пристально посмотрел на Севу с Русланом. – А вы кто?

– Это, отец, майор милиции, – не без гордости указал на Руслана Сева, – а я пока лейтенант. Работаем мы в уголовном розыске.

– Так ваши все и отказали, – печально вымолвил мужик. – Я у всех был. Сказали, такими делами милиция не занимается и что в Турцию никто не поедет по этому делу. А ваш начальник так прямо и сказал: там не только твоя дочь сгинула, сотни девчонок, на всех у государства денег не хватит, чтоб искать их по границам. Еще и отчитал, мол, ты-то куда смотрел... ну, я, значит... Говорит, мол, газет не читаете, телевизор не смотрите? А что я? Откуда мне было знать, что из этого выйдет? Вроде все путем делали: контракты, визы... я ведь в этом ничего не понимаю. Дочка мечтала танцами заниматься, денег заработать, мир посмотреть... Посмотрела.

– Ну, ты зря, отец, так пессимистично настроен, – сказал Руслан. – Давай вот что сделаем. Ты сейчас поедешь домой, вспомнишь всех подружек дочери. Вообще, припомни людей, с кем она встречалась до отъезда, запиши адреса. И у кого училась танцевать, напиши. Собери ее фотографии, документы, какие остались. Потом позвонишь мне. Ну, а мы тогда посмотрим, что можно сделать.

– Вы правда можете? – В блеклых глазах проснулась надежда. – Ребята, я вам тогда... все, что хотите... по гроб жизни...

– Ну-ну, отец, – хлопнул его по плечу Руслан. – Я пока смутно представляю, чем помочь, но обещаю сделать все, что

в моих силах. Тебя подвезти?

– Нет, спасибо, у меня машина. Меня зовут Виктор Иванович.

Руслан и Сева тоже представились, записали адрес и телефон. Он же аккуратно вывел в маленьком блокноте их телефоны, бережно сунул во внутренний карман пиджака, еще и проверил, надежно ли лежит в кармане блокнот, встал:

– Одна она у нас. Что там с ней случилось? Жене с сердцем плохо из-за этого, в больнице лежит. Нам без дочки и жить незачем... Так я скажу жене? Ну, что нам найдут Настю? А? Хоть как-то поддержать ее...

– Говори, – согласился Руслан, потупившись. – Пусть надеется.

Распрощались. Руслан и Сева смотрели ему вслед, как топорливо он садился в отечественную машину, вырулил на дорогу, очевидно, спешил к жене. Постояли молча.

– Ладно, едем за «сэмом», – сказал Руслан. – Я предпочитаю качественный самогон поддельной водке. Что-то паршиво стало.

– Ты серьезно собрался искать девчонку, пропавшую в Турции? – скептически спросил Сева по дороге к автомобилю.

Руслан нажал на пульт, сел в машину, только когда завел мотор, ответил:

– Во всяком случае, надо посмотреть, что можно сделать.

– Ясно. Опять будем подпольно работать, раз деду отка-

зали все.

– Я тебя пока в напарники не звал.

– Так я все равно пойду. Без приглашения, – расплылся в улыбке Сева.

Руслан остановился в переулке частного сектора, достал деньги:

– Беги вон в тот дом, скажешь, от меня.

– Ну да, мы теперь майоры, нам бегать за водкой не по чину, – проворчал тот, вылезая из авто. – И дедушка у нас был дипломат. Интересно, а кто была бабушка?

– Иди, иди, – поторопил его Руслан.

Он положил скрещенные руки на руль, а на них подбородок. Перед глазами стоял Виктор Иванович – большой мужчина, который плакал. Случается, мужики льют слезы. И по пьяни от жалости к себе, и когда их берут с поличным – от злобы, и от страха по слабости. Виктор Иванович плакал от безнадежности, отчаяния и любви к дочери.

3

Тяжелое это бремя – звездочки, обмывали их три дня. Жена Руслана беспрестанно зудела, а Сева старался не попадаться ей на глаза, потому что на него она вываливала жалобы со стонами. Что-то не клеилось у Руслана дома, только он ни словом об отношениях с женой не обмолвился, лишь сутками торчал на работе. Лезть в душу, когда тебя не просят, – последнее дело, Сева и не лез. Они бы продолжили обмывать звездочки, если б утром четвертого дня не позвонил Виктор Иванович. Он пригласил к себе, притом тысячу раз извинился, что отвлекает их от работы.

Дом у Виктора Ивановича кирпичный, ухоженный, сразу было видно – хозяин он крепкий. И беседка из виноградника во дворе, и ограда железная, и небольшой сад с побеленными известью стволами деревьев, и дорожки вымощены, и гараж капитальный. В этом краю усадьба – надежное капиталовложение, посему рачительные хозяева берегут и тщательно обустривают частную собственность. Внутри дом был ничуть не хуже, чем снаружи, соответствовал уровню людей, у которых богатства нет, однако нужды они не испытывают. Как всегда в таких домах, по стенам висят ковры, диваны и кресла бережливо накрыты покрывалами, дорогая посуда в серванте практически не используется, потому выглядит как из магазина. В самой большой комнате на видном месте ви-

сели фотографии молодого человека в военной форме с траурной лентой на уголке и красивой девушки.

– Вот она, Настя, – указал Виктор Иванович на снимок девушки. – Фотографировалась в день совершеннолетия. А то сын. Вы садитесь, садитесь.

Руслан и Сева расположились на диване, а Виктор Иванович надел очки и подал исписанный лист:

– Здесь я записал адреса и фамилии, как вы просили.

– Документы есть? – спросил Руслан, беря лист. – Я бы хотел посмотреть на контракт, который подписала Настя. Второй экземпляр должен быть у вас.

– Контракт дочка с собой увезла. Других документов, кроме свидетельства о рождении и российского паспорта, нет. Ну, еще аттестат зрелости, хотите посмотреть? Она хорошо училась...

– Не надо, – сказал Руслан, беря паспорт. – Аттестат нам не нужен. Скажи, отец, в какой город Турции повезли группу танцоров?

– В Стамбул, – вздохнул Виктор Иванович. – А потом собирались перевезти в другой город, оттуда Настя должна была позвонить, но так и не позвонила.

– Название группы знаешь? Кто руководитель?

– Названия не было, а руководитель... Главной была Берта Станиславовна, полька по национальности – так говорила Настя. А занимался с ними танцами Яков Олегович.

– Фамилии знаете?

– Не знаю, – опустил голову Виктор Иванович. Ему было стыдно, что доверил дочь неизвестным людям. Словно в оправдание пробормотал: – Так быстро все произошло... Настя такая счастливая была... бегала на репетиции, допоздна танцевала. Рассказывала мало, уставала сильно. Не мог я лишиться ее счастья... Виноват, знаю теперь...

– Откуда ты, отец, узнал, что вернулась одна из танцовщиц?

– Недели три назад ее встретил школьный товарищ Насти. А Роза сделала вид, что не знает его, убежала. Паренек говорил, что Роза очень худая была и сама не своя. Испугалась его. Он даже засомневался: она или не она. Девушку зовут Роза, а фамилия Ибрагимова. Она татарка. Я там написал, – указал он подбородком на список в руке Руслана, – и ее адрес написал, и адрес парнишки. Я всех записал...

Руслан, читая список, проговорил удрученно:

– Негусто, отец. Сведений о тех, кто увез твою дочь, фактически нет.

Тот мгновенно потемнел, большие руки затряслись, задрожал и подбородок. Для него слова майора явились приговором, а надежда растаяла так же быстро, как и возникла три дня назад. Тем временем Руслан уставился на портрет Насти.

На снимке серьезная, золотоволосая и голубоглазая девочка, которой очень хочется выглядеть взрослой. Но широко распахнутые глаза выдают не только возраст, а и наивное

отношение подростка к миру, людям, всему, что ее окружает. Или окружало. Вполне вероятно, что ее вообще в живых нет. Или держат девочку в грязном притоне в чужой стране – именно такие слухи давно ходят по городу. Второй вариант, наверное, лучше – думать, что она жива, – однако все равно безнадежный. В данном случае есть один выход – найти тех, кто занимается вывозом групп на «танцульки». Люди эти наверняка нездешние, пользуются фальшивыми ксивами. Если б хоть физиономии были...

– Фотографии есть, где Настя с теми, кто увез ее? – спросил он.

– Нет, – едва вымолвил Виктор Иванович. – Фотоаппарат остался, Настя забыла его взять, а фотографий...

– Где фотоаппарат?

– В ее комнате. Идемте туда.

Комната Насти – типично девчоночья. Много полок с книгами и безделушками, на кровати рядком... куклы, мягкие игрушки. Заметив усмешку на губах Севы, Виктор Иванович извинился за дочь:

– Она у нас бережливая, хранила любимые игрушки. А вон с той обезьяной спала. Так она ж ребенок еще.

Взяв с полки фотоаппарат, Руслан отдал его Севе, сам приступил изучать содержимое ящичков и полок.

– Пленка новая, – сообщил Сева и бросил фотоаппарат на кровать к игрушкам.

– А это что за пленки? – спросил Руслан, выудив из ящика

коробочку, в которой лежало несколько пленок в упаковках.

– Да я не знаю, – ответил виновато Виктор Иванович. – Настя фотографировала, только фотографий не сделала, времени не было.

Руслан определил, что пленки не проявленные, закрыл коробочку:

– Это мы возьмем с собой, отец. И еще дай фотографию дочери. Если есть, то дай фотку и той девушки, про которую говорят, что она вернулась. Роза, да?

– Берите, берите все что хотите, – снова воодушевился несчастный отец. – Только бы Настю... вернуть... я все отдам.

– Если б это было просто. – Руслан не посмел сказать: «Если б это было возможно».

Больше ничего содержательного в комнате девушки не нашли, потому распрощались. Виктор Иванович долго смотрел вслед их машине, пока та не скрылась.

Сталкиваясь с подобными делами, Руслан становился смурной – Сева это заметил. В нем жила на генетическом уровне ненависть к подонкам. Он сам однажды так и выразился: «Какой-то чудак на букву “м” думает, что он самый умный, что он царь и бог, а остальные козлы и предназначены ему на заклятие. У меня гены этих божков не выносятся». Откровения Руслана были редки, да и то в подпитии, в остальное время он был предельно осторожен в высказываниях. Жизнь научила попусту не трепаться.

– Куда едем? – спросил Сева, так как они миновали центр, значит, не на работу поехали.

– К Розе Ибрагимовой, которая, по слухам, вернулась.

– Ты все-таки будешь ворочать это дело? Ведь полный абзац!

– Видел деда? – Руслан спокойно крутил руль. Но в его спартанском спокойствии Сева почувствовал упрямство, значит, спорить бесполезно. – Он умрет, как только поймет, что его девчонка сгинула безвозвратно. И таких, как он, много. Я давно слышал, что из нашего порта отправляют живой товар. А столкнулся с этим фактом впервые. Почему-то родители пропавших детей не заявляли в милицию. Странно, да?

– Опять порт? – выкатил глаза Сева. – Теперь же там новый начальник, вряд ли он в курсе. Не при нем же вывозили!

– Значит, поможет, – ухмыльнулся Руслан. – Ему сейчас надо показать, какой он честный. Это потом он будет красть и создавать свой клан отморозков, когда бабки в руки поплывут. Бабки мощно меняют людей, а уж в порт они плывут косяками. Кстати, надо узнать у таможенников, кто выезжал с группой в конце октября из нашего порта. У них должны быть сведения. А это уже немало. Далее. У нас есть директор ДК, сдававший в аренду помещение. Там выясним личности организаторов группы.

– Ну и дальше что? – все-таки завелся Сева. – Девчонку ты не вернешь. Она в Турции, если вообще там. Ты, случаем,

не надумал исколесить весь мир? У тебя карманы трещат от «зелени»? Да и с чего ты взял, что ее продали? Может, она там замуж вышла.

– Прошло больше полгода, она бы сообщила отцу с матерью, – невозмутимо ответил Руслан. – Нет, Всеволод, с ней там непорядок, я в этом уверен. Но меня интересуют чудачки, которые увозят девчонок. Мы столкнулись с одним частным случаем. А пропавших без вести действительно сотни. Получается, частные случаи складываются в крупномасштабную деятельность. А связана эта деятельность с торговлей простакami, я так полагаю. Мое отношение к этому факту ты знаешь. Если найдем продавцов, те скажут – уверяю тебя, уж я постараюсь, чтобы сказали, – где девочка. На блюде мне ее доставят.

– Да! – протянул Сева скептически. – Так просто!

– Я не заставляю тебя рыскать со мной по адресам. Запомни: в любом случае я попытаюсь сделать все, что смогу. А ты упивайся недавней славой.

– Ладно, – сдался Сева. – Пока других дел нет... покрутим это.

Приехали на другой конец города. Нужный дом стоял на самой окраине, дальше начинались заросли, а за домами пролегалa трасса, идущая мимо города и подножия горы. Вышли из авто, позвали хозяев. Никто на зов не откликнулся. Руслан постучал в соседний дом, а Сева перелез через невысокий забор и принялся колотить в дверь Ибрагимовых.

– Вам кого? – выглянула женщина из соседнего дома.

– Ибрагимовых, – ответил Руслан.

– Не живут они здесь. Роза уехала работать за границу, а мать ее куда-то переехала, мне не сказала куда.

– Давно переехала?

– Где-то с месяц. Она продает дом. Вместе с мебелью продает. Там, правда, мебель – одно название. Видно, дочка денег прислала, могут улучшить жилье. Видите, дом какой плохонький? Такой не жаль сменить, были б деньги.

– Разве Роза не вернулась из Турции?

– Нет, я бы видела ее, ведь рядом живем, – уверенно ответила соседка. – Представьте, от меня скрыла, что продает дом. Фаина вообще скрытная женщина. А ведь вы не первый, кто спрашивает Розу в этом месяце. Несколько раз приезжал пожилой мужчина – Виктор Иванович. Но он часто приезжал к Ибрагимовым, они давно знакомы. Раньше он жил по соседству. Потом еще двое интересовались раза три.

– А кто те двое? – оживился Руслан.

– Откуда ж мне знать. Один нацмен, второй вроде русский. Обоим лет по тридцать.

– Вы говорите, что Ибрагимова продает дом, – задумчиво произнес Руслан. – А разве она не приезжает сюда с покупателями, чтобы показать его?

– Не приезжает. Два раза был паренек из агентства недвижимости с покупателями, от него я и узнала, что Фаина продает дом. Да видно, пока не получилось. Дом крайний, ста-

рый. Но продаст, будьте уверены. У нас пустое место можно продать недешево.

Руслан протянул ей листок со своим телефоном:

– Если вас не затруднит, позвоните мне, как только Фаина появится. Я знакомый Розы, мне срочно нужно увидеться с ее матерью.

Соседка взяла лист из записной книжки, сказала, что телефона не имеет, но позвонит от соседей. Он поблагодарил ее, позвал Севу, они сели в машину и укатили.

– Мага, взгляни, какие-то козлы ломятся в наш дом, – сказал сидевший за рулем желтого такси, спрятанного в зарослях, Бурак.

У него был бордовый цвет лица, за что и получил кличку Бурак – так местные жители называют свеклу. Это был плотный, мускулистый, с бычьей шеей и с головы до ног волосатый человек. Пшеничные волосы как раз и подчеркивали цвет кожи, отчего Бурак был довольно приметным типом; правда, его сей факт не волновал. Дремавший Магомед – человек аскетического сложения и с маской безразличия на лице – приоткрыл глаза, но обзору мешали ветки. Магомед был более осторожным, чем Бурак, старался оставаться в тени и только в случае, когда был гарантирован положительный исход, брал инициативу в свои руки. Услышав, что кто-то ломится в «их» дом, он лениво приподнялся, прищурился, изучая чужаков, затем снова откинулся на спинку си-

дня. Бурак сообщил:

– В тачку садятся. Может, похилиаем за ними?

– Нам мамаша нужна, – промямлил Магомед. По-русски он говорил отлично. – Сиди.

Бурак допил банку пива и выбросил ее за окно. Утирая губы рукой, бросил взгляд на Магомеда и проворчал:

– Долго торчим здесь – дни и ночи напролет, – так и заметить могут.

– Что предлагаешь? – не открывая глаз, спросил Магомед.

– Прячется наша мамаша, – рассуждая, Бурак прищурился. – Домик вдруг загнать решила, неспроста это. Держу пари, не одна мамаша ушла в подполье. Нам бы только узнать, где приют нашла. Сколько в городе агентств недвижимости?

– Три есть точно. Это те, что я знаю. Может, их больше.

– Я вот что обмозговал. Не проехаться ли нам по агентствам? Прикинуться покупателями, мол, нужен домишко, так выйдем на мамашу. А? Она ж нас не знает.

Магомед открыл глаза и удивленно уставился на напарника:

– Чего раньше не додумался? Езжай, я здесь побуду.

Магомед вышел из машины, потянулся, раскинув в стороны руки, затем достал сумку с пивом и едой, захлопнул дверцу. Когда Бурак уехал, он устроился на бугорке, откуда виден дом, достал банку пива и стал неторопливо пить.

Фаина Султановна вышла из агентства недвижимости и нервно озиралась в поисках такси. На счастье, прямо к агентству подкатила желтая машина со знакомыми опознавательными знаками, стала у порога. Водитель открыл дверцу, спустил ногу на асфальт, собираясь выйти. Фаина Султановна поспешила к нему:

– Молодой человек, вы не отвезете меня? Здесь недалеко.

Бурак окинул ее с ног до головы оценивающим взглядом, покривил губы: такая на чай не даст. Платье простецкое, сверху кофтенка, вязанная вручную, дешевые и стоптанные туфли, сумка вообще времен совдеповского благоденствия, когда ничего невозможно было достать, – старая и не стильная.

– Некогда мне, мамаша, – бросил он.

– Прошу вас, очень нужно быстро попасть домой. – И Фаина Султановна, сдвинув сумку к локтю, молитвенно сложила руки. Вдруг вспомнила: – Я хорошо заплачу.

В доказательство она вытащила сто рублей. Деньги, конечно, плевые, но это деньги, а Бурак их очень уважает. К тому же любому покажется противоестественным, что таксист отказался отвезти клиента за плату вдвое. Осторожность не помешает. Он выдернул сотню из руки мамаша, а то еще передумает столько платить, и кивнул:

– Садись, мамаша, прокачу с ветерком.

Если прикинуть по тарифу, то такой вояж стоил бы рублей тридцать, не больше. Бураку показалось странным, что мамаша, явно зарабатывающая три копейки, расплатилась, в три раза увеличив сумму. Она нервозно вставляла ключ в замочную скважину. Так торопилась в пустой дом? Хотя, может, забыла что-то, вот и вернулась.

– Мамаша, тебя подождать? – крикнул Бурак, надеясь получить еще сотенную.

– Нет, нет, спасибо, – откликнулась она, суетливо входя в дом.

Он пожал плечами и помчался назад к агентству.

Фаина Султановна вошла в маленький домик своей подруги, работающей на судне поваром. Когда подруга уходила в плавание, то оставляла ключ, чтобы Фаина поливала цветы, кормила кошку и вообще присматривала за домом. С виду он был неказистый, а внутри – загляденье. Чего здесь только не было: видеомэгнитофон, большой телевизор, музыкальный центр, всякая техника для кухни, даже посудомоечная машина. Такое богатство нельзя оставлять без присмотра. Подруга говорила: накопит достаточно, чтоб в старости не бедствовать, купит хорошую квартиру и подыщет спокойную работу, а моря с океанами пошлет к черту. Сейчас она была в рейсе, это пришлось как нельзя кстати. Даже ей, своей самой близкой подруге, Фаина Султановна не хотела бы рассказывать о дочери.

– Роза... – позвала она. – Я пришла.

В дальней комнате на диване полулежала Роза и с опаской смотрела на дверь. Вошла мать.

– Сколько раз я тебя просила, чтобы не звала меня по имени, – раздраженно сказала Роза. – Что так быстро?

Фаина Султановна присела на краешек дивана, улыбнулась ласково:

– Получилось.

– Неужели? – И тусклые глаза дочери лихорадочно заблестели.

– И задаток дали. За мебель они не хотят платить, не понравилась им, ну и пусть. Завтра оформляем сделку у нотариуса! Говорят, можно сразу через юстицию оформить куплю-продажу, не обращаясь к нотариусу, а я уж решила по старинке. Пусть переплачу, зато душа будет спокойна, а то сейчас столько обманщиков. Завтра получу деньги, и мы можем ехать. Нужно только сегодня выписаться, остальные документы я подготовила.

– Хорошо, очень хорошо, – пробормотала Роза. – Сегодня же купи билеты. Надо сразу уехать. Завтра вряд ли получится... Послезавтра уедем!

Тяжело расставаться с местом, где прожил всю жизнь, тяжело. Да родное дитя дороже всего на свете. Роза вернулась, а Фаина Султановна до сих пор не знает, что там, в Турции, произошло. Поначалу пыталась расспрашивать, но когда видела, что творилось с Розой, прекращала расспросы, позже и

вовсе перестала интересоваться Турцией. Однако мучилась догадками, подозревала худшее. Роза уехала с группой танцоров, а потом как в воду канула. Уж что только не предпринимала Фаина Султановна, выясняя, где ее дочь, да так ничего не узнала. С ней бегал по милициям и Виктор Иванович, близкий друг покойного мужа, его дочь Настя тоже пропала, а уехали девочки вместе. Еще радовались, что они вдвоем поехали. Везде отказывались заниматься поисками девочек в Турции. Потеряв всякую надежду отыскать дочь, Фаина Султановна перестала бегать по инстанциям, но Виктор Иванович не остановился, регулярно приезжал к ней с результатами. Да только результатов не было, он вздыхал и обещал дойти до самой Москвы. Не верила Фаина Султановна, что в столице, которая так далеко, отнесутся к их беде с пониманием, но Виктора Ивановича поддерживала. Уж лучше пусть надежда его питает, с надеждой жить можно. А месяц назад кто-то постучал в окно на рассвете, стучал так, что Фаина Султановна перепугалась до смерти, думала, бандиты нагрянули. Сообразив, что в ее доме брать нечего, подошла к окну и ахнула. Это была ее дочь! Мокрая, хотя дождя не было, худая, как скелет, с затравленными глазами, она посинела от холода – все-таки начало мая. Роза вошла в дом, успела лишь сказать:

– Никому не говори, что я вернулась... никому!..

И упала без чувств. Фаина дотащила ее до кровати, разделала. Вскипятила воду, растерла Розу согревающей мазью, раз-

делась сама донага, легла, всем телом касаясь тела дочери. Она согревала дочь своим теплом и вливала в рот горячий чай, добавив в стакан ложку спирта. Пять дней Роза лежала и то ли в бреду, то ли наяву шептала:

– Не вызывай врачей. Меня никто не должен видеть. Никто. Слышишь?

Фаина Султановна кормила ее с ложечки, потом Роза отворачивалась к стене. Ни вещей своих не привезла, ни документов, а приехала в летних брючках и кофточке, до безобразия грязных. «Что же случилось?» – пытала себя вопросами Фаина Султановна. Неделю спустя, как Роза вернулась, пожаловал Виктор Иванович. Он-то и поднял дочку хотя бы на ноги, но странным способом. Роза вся напряглась и зашипела:

– Не смей впускать его в дом! Ни за что!

– Его Настя тоже вернулась?

– Не знаю... нет... Не пускай его! Он не должен знать про меня!

Фаине Султановне пришлось разговаривать с ним у порога, испытывая страшный стыд. Разве ж можно не приглашать в дом человека, который не бросил в беде, когда она потеряла мужа, который много и бескорыстно помогал? Не было денег – бежала к нему занимать. Он часто привозил рыбу, жена его отдавала Фаине Султановне вещи, не тряпье, а хорошие вещи. Когда они приобретали овощи и фрукты для консервирования, делились с ней, а от денег всегда отказывались.

Да много чем помогали, не требуя ответной благодарности. И вот как отблагодарила: в дом не пустила. А он сообщил, что снова получил отказ, но намерен дойти до самого главного милиционера. Если и тот откажет, поедет в Краснодар, там откажутся искать девочек – в Москву поедет. В общем, говорил то, что и всегда. После того, как он уехал, Роза заметалась по дому как одержимая:

– Мне нельзя здесь оставаться. Надо уехать... Мама, нам надо срочно уехать...

– Да объясни мне, милая, что случилось? – чуть не плача, сказала мать.

– Потом, потом. Сейчас не могу... Мама, давай уедем.

– Куда ж мы уедем? Денег у нас нет.

– А дом? Давай продадим его и уедем, где нас никто не знает. Прошу тебя, мама! В какую-нибудь деревню, но подальше, подальше... Купим домик и будем там жить. И спрячь меня, я боюсь здесь оставаться.

Оттого, что дочка была на себя не похожа, Фаина Султановна не стала спорить, а предложила пожить у подруги, которая вернется из рейса еще не скоро. Дождались вечера – Роза не хотела выбираться днем, – оделись и вышли. Никто из соседей их не видел. А на остановке автобуса произошел казус. Фаина Султановна попросила Розу подождать у остановки, сама зашла в магазин купить продуктов – впопыхах забыли прихватить из дома. Выйдя из магазина, удивленно раскрыла глаза: Роза убежала. У Фаины Султановны сумки

выпали из рук, а по щекам потекли слезы. Она вдруг поняла, что ее цветочек Розочка не в своем уме. Кто-то поднял сумки, спросил, не нужна ли помощь. Она только отрицательно мотала головой, забрала сумки, дошла до остановки и села на скамью, не имея сил что-либо предпринять. Фаина Султановна старательно прятала лицо от людей и плакала. Пришел автобус, люди уехали, а она осталась. Но прошло немного времени, внезапно сзади послышался родной голос:

– Ты не ушла? Как я рада, мама.

– Розочка, – встрепенулась мать, – почему ты убежала?

– Знакомый меня узнал, он учился с Настей в одном классе, – нахмурилась Роза. – Завтра расскажет всем. Мама, тебе тоже не надо жить в нашем доме, это опасно.

– Но почему, почему?..

– Потому что нас убьют.

Она произнесла это так просто, что не сразу дошли до сознания слова дочери. Они были чудовищными и одновременно нелепыми, они не вязались с их скромной жизнью. Но когда смысл дошел, мороз пробежал по коже, а сердце словно остановилось.

– Да за что?! Доченька, за что нас убивать?

– Мама, автобус. Вставай.

Роза ни в тот день, ни в последующие дни не объяснила, за что их можно убить. Сердце матери лишь почувало беду: значит, действительно, лучше убраться из города. В тот же вечер, несмотря на поздний час, Фаина Султановна верну-

лась в родной дом за необходимыми и ценными вещами. Собрала все и задержалась, глядя на стены. Больше она здесь не появится. Ей предстояло навсегда уйти из дома, где провела сорок девять лет. Здесь умерли ее родители, сюда она привела мужа, отсюда он ушел в море и не вернулся, когда Розе было два годика. Здесь она собралась встретить старость, надеялась нянчить внуков. Она прощалась с домом без слез, потому что нет ничего дороже ее девочки, двадцатилетней Розы. И ничего у нее больше нет.

Но и в доме подруги дочь не выходила даже во двор. Шторы открывать не велела, так и проводили время в полутемноте. Роза была озорной и веселой девушкой, а стала замкнутой, дни и ночи проводила на диване. Она не разговаривала, не смотрела телевизор, а во сне часто кричала и просила мать спать с ней на одной кровати. Однажды, когда дочка проснулась среди ночи, хотела... задушить Фаину Султановну. Роза набросилась на нее с яростью дикой кошки, мать еле вырвалась, включила настольную лампу. Только после этого девочка успокоилась, просила прощения и плакала. Потом сказала матери, что не надо с ней спать. Теперь Фаина Султановна спала в комнате рядом, а у дочери всю ночь горел ночник – Роза боялась темноты. Перемены в дочери отзывались болью в ее материнском сердце! Если бы кто-нибудь знал, как тяжело видеть дочку затравленной, а главное – ничего не знать, почему она стала такой!

Как ни прячься, а выйти за пределы дома пришлось. И

продукты купить надо, и в агентство обратиться, как тут не выйти? Понадеявшись на удачу и человеческую порядочность, Фаина Султановна отдала ключ от дома молоденькому агенту, тот и возил покупателей. Повезло. Три дня назад вторые по счету покупатели дали согласие, а сегодня получен задаток. На оформление документов уйдет завтрашний день, а там...

– Куда брать билеты? В Краснодар? – Краснодар казался Фаине Султановне далекой точкой, да и не бывала она нигде дальше Краснодара.

– Нет, это близко, – живо ответила Роза. – Бери до Ростова. Купи на поезд. Это дешевле. Нет, лучше автобусом. Билет на поезд вносится в компьютер, фамилии тоже. Узнают, куда мы уехали... Возьми на автобус, в Ростов ходит прямой рейс. А вокруг Ростова много городов, я по карте смотрела. Или переселимся в станицу, зачем нам город?

– Хорошо, доченька, – и Фаина погладила по бледной щеке свою Розу. – Ты рада?

– Я буду рада, когда сяду в автобус и он увезет нас. Мама, я здесь записываю кое-что... это для дяди Вити. Перед отъездом бросим в его почтовый ящик. Напомни мне, а то я боюсь забыть. Это очень важно, очень.

– Хорошо, Роза. Я пойду за билетами и заберу трудовую книжку в школе. А ты поспи, дорогая. Купить что-нибудь вкусенького?

– Как хочешь.

Роза принялась обдумывать письмо, которое начинала несколько раз и сжигала. Только намеками следует писать, чтоб не догадался, от кого записка, и чтобы не подвести тех, кто может помочь там, в Турции. А это трудно сделать.

Директором ДК была женщина лет пятидесяти с гаком, справная телом и коротко стриженная, с ярким румянцем на щеках. Подобных женщин большинство на юге, они расторопны, говорят быстро, это прекрасные хозяйки и любительницы красного вина, голосистые певуны в застольях и пожитейски практичные. Евдокия Акимовна ничем не отличалась от жительниц юга. Разве что только тем, что была жутко близорука. Щурилась и присматривалась даже через очки, которые не всегда надевала, потому что они, по ее мнению, портят внешность, а она еще не прочь закадрить мужичка, ибо ужасно одинока. Как только Руслан и Сева представились, Евдокия Акимовна окинула их оценивающим взглядом, затем сразу сняла очки. Забываясь во время беседы, напяливала их на нос, вспоминая о них, быстро снимала. Выслушав, подтвердила:

– Да, да. У нас снимали танцевальный зал в сентябре – октябре прошлого года.

– Фамилии не помните, кто арендовал зал? – тут же подхватил Руслан.

– Ой, ну это ж давно было. У меня так: с глаз долой – из сердца вон.

– Значит, не помните, – подытожил Руслан. – А договор аренды можно посмотреть?

– Искать надо, документы в архиве за прошлый год. Приходите завтра.

– Тогда ответьте. Те, кто арендовал помещение в сентябре – октябре, часто пользуются вашим дворцом культуры? – подлавливал ее Руслан, очень уж она обдумывала каждое слово, прежде чем его сказать.

– Именно эти двое первый раз, а вообще снимают даже углы. Например, прокат видеокассет, торгуют индийскими благовониями, ксерокопии делают...

– Нас интересуют танцы, – перебил ее Руслан. – Руководители коллективов возят группы только в Турцию?

– Не только. И на Кипр возят, в Грецию, в Тунис, одна наша воспитанница работает в Японии. Ребят собирают со всех окрестностей, муштруют, потом выезжают. Это хороший бизнес.

– В чем же его «хорошесть»? – заинтригованно приподнял одну бровь Руслан.

– Понимаете, содержать коллективы, особенно танцевальные, сейчас просто невысказано. Денег нет. Нынче богачи предпочитают в ресторане просадить деньги, чем потратить их на благотворительность. А когда руководитель выезжает с группой за границу, то не только ребята зарабатывают, часть денег идет на костюмы, обувь, аренду. К тому же прекрасно отдыхают, купаются в бассейнах, едят фрукты. За границей прекрасный сервис. Так и крутятся хореографы, кто умеет. А кто не умеет, тот лапу сосет.

– Понятно. У вас ведь тоже есть танцевальные коллективы в ДК, они выезжают?

– Мой хореограф Боря Донник ездил пару раз в Турцию и один раз в Грецию. Собирается снова вывезти группу в Анкару, кажется, в конце июля, точно не помню.

– Он возвращался с полным составом? Или кто-то изъявил желание остаться? – осторожно выпытывал Руслан.

– Да нет, вроде бы все возвращались. Вы же знаете: визовый режим и прочее. Наш хореограф ездит на месяц, не больше. Не все танцоры бывают довольны поездками, но приезжают с деньгами, одетые и обутые, мир посмотревшие. Что еще надо?

– Чем же были недовольны танцоры?

– Да я не интересовалась. Знаете, на всех не угодишь.

– А как мне увидеться с вашим хореографом?

– Сейчас его нет в городе, уехал за тканями и бижутерией. Донник сетовал, что раздеть танцоров стоит дороже, чем одеть их. Вернется дня через три.

Руслан и Сева поблагодарили за информацию директора ДК и отправились к учительнице танцев Насти. Дома ее не застали, сын дал адрес работы – казино.

В это же самое время директор ДК дозвонилась по междугородке:

– Здравствуй, это Евдокия Акимовна... И я рада тебя слышать. Как дела?... Знаешь, ты повремени пока с приездом. Да тут сегодня два легавых интересовались группой, что в про-

шлом году вывозили... Нет, не сказали, почему интересовались. Но расспрашивали, кто еще вывозил и куда, оставались те ТАМ или нет. Послушай, а почему они спрашивали?.. И ты не знаешь? Угу. Я сказала, что вы один раз отсюда вывозили... Ну, я рада, что угодила... Да, чуть не забыла! Договор аренды просили... Думаешь, не показывать? Боязно, это ж милиция! Мне не нужны проблемы... Ну, не знаю... А ты самолетиком их... Конечно, дороже, но у нас тут изменения, директор порта новый, так что думай... Боря не заезжал к тебе? Говорил, что заедет. Ты попозже приезжай отдохнуть, а я постараюсь разузнать, что да как. До скорого. Целую тебя...

Бурак приехал в агентство, у которого поймал клиентку. Это было второе по счету агентство. Войдя в помещение, спросил:

– Домишко можно прикупить?

– Да, конечно, – откликнулся молодой человек за столом у компьютера. – Садитесь. Вы какой хотите дом? На сколько комнат, в каком районе?

Бурак развалился на стуле, широко расставив ноги, – поза, дающая понять, что он клиент серьезный, способен купить весь город. Толщина золотых цепей на груди и на запястье это тоже подтверждала.

– Мне нужна хата на краюхе.

– Есть и такие, – улыбнулся агент и предоставил адреса на

нескольких листах.

Пробежав глазами список окраинных домов, Бурак ткнул пальцем в адрес:

– Вот этот вот хочу.

– К сожалению, он продан.

– Как продан?! – вытянулось лицо у Бурака. Он переменял позу, подавшись корпусом к агенту. – Когда продан?

– Да с час назад, хозяйка получила залог...

– Ах, залог... – ухмыльнулся Бурак, возвращая телу прежнее положение. – Тогда можно и перекупить.

– Но это невозможно, – мягко возразил агент. – Завтра сделка оформляется у нотариуса, документация уже готова...

– Ты не понял? – осклабился Бурак. – Мне нужен этот дом.

– А вы его хоть видели? Это же сарай.

– Я не понял: ты не понял? Мне место нужно, а не дом. Место! Я там такой дворец зашарашу, аж с другого берега увидят. И землю рядом прикуплю, чтоб все мое вокруг было. Короче, на сколько он там тянет?

– Да всего пятнадцать тысяч долларов.

– Это столько за сарай?

– Вы должны знать, у нас даже сарай стоит недешево.

– Кидаю еще пять штук «зеленки». И твоему агентству накину, если сделку сварганишь. И тебе лично.

– Я попробую уговорить, хотя скандала не избежать со стороны покупателей. Кстати, залог придется вернуть в

двойном размере, это тоже ляжет на ваши плечи.

– Базара нет, вернем. Когда тетка прибудет?

– В одиннадцать утра, – несколько удивленно вперившись в клиента, сказал агент. – Она и покупатели приедут сюда, а потом мы поедем к нотариусу.

– Завтра в одиннадцать буду, – пообещал Бурак, вставая.

В зимний период казино пустоует, зато в летний сезон снижает сливки. Люди едут сюда не только погреться на солнышке, пожевать фруктов да насладиться морем, но и оторваться на полную катушку. Как же без казино и прочих увеселительных заведений?

Кларисса, моложавая и фигуристая женщина лет тридцати семи, стояла у эстрады, когда вошли Руслан и Всеволод. Шесть девушек и двое парней танцевали под музыку, а она покрикивала на них недовольно:

– Анжелика! Не отключивай зад, сколько говорить! Ритм держите... Что вы сегодня такие вялые? Зоя, выпрямляй колени на батманах! Выше бросайте... выше!.. Мне надоело каждую репетицию долдонить одно и то же! Нельзя ли быть повнимательней?

– Здравствуйте, – сказал Руслан, перекрикивая гремевшую музыку. – Я из уголовного розыска. Можно с вами поговорить?

Кларисса выключила магнитофон, с нескрываемым удивлением переводила взгляд с Руслана на Севу. У нее были яс-

ные зеленоватые глаза, несколько наивные, а растрепанные волосы придавали ей вид воробья, получившего взбучку от кошки. Эти наблюдения вызвали улыбку у Руслана, а она наконец осведомилась:

– Что-нибудь случилось?

– Можно уединиться? – спросил Руслан.

Она повернулась к тяжело дышавшим танцовщикам:

– Ребята, я отлучусь на минуточку, а вы повторите сами.

Но сначала покругите туры, а то заваливаетесь на остановках. На это просто противно смотреть, а уж деньги за это брать возмутительно. Работайте!

Судя по разбросанной одежде на стульях, она привела их в раздевалку. Комната была очень мала. Кларисса, убрав одежду с двух стульев, предоставила их Севе и Руслану, сама присела на краешек третьего стула, не убирая с него одежду:

– Извините, другого кабинета у меня нет. Вы садитесь.

– А у нас говорят: присядьте, – сообщил Сева, улыбаясь. –

Слово «садитесь» у нас имеет совсем другое значение.

– Действительно, – усмехнулась она, хотя недоумение не слетало с ее лица. Вдобавок замечание по поводу «садитесь» прозвучало дико. – Так что вас привело ко мне?

Руслан протянул ей фотографию:

– Вы знаете эту девочку?

– Конечно, – еще больше удивилась она. – Это Настенька.

А что произошло?

– От нее нет вестей из Турции больше полугода, отец вол-

нуется, мать в больнице лежит. Мы полагаем, она там... пропала.

– Господи! – прошептала Кларисса. – Неужели это правда? А чем я могу помочь?

– Если б мы только знали... – протянул Руслан, забирая фото. – Отца Насти не стали расстраивать, ему и так не сладко. Думаю, девочку вряд ли вернем, а вот тех, кто увозил их за границу, хотелось бы достать. Тогда появится хоть небольшая надежда. Может быть, удастся через посольство или другими путями вытащить Настю и девушек. Вы случайно не знакомы с людьми, которые увезли Настю?

– К сожалению, о них ничего не знаю. Я ведь уговаривала девочек не ездить с шоу в Турцию, а поступить в культпросвет, раз так любят танцы. Да куда там, им же сейчас хочется все и сразу. Молодежь считает, что на удовольствия не хватит жизни.

– А вы лично возили своих танцоров за границу?

– Нет, – как-то сразу необычно резко ответила она.

– Почему? Это, как мне сказали, выгодный бизнес.

– Вот именно, бизнес, – презрительно фыркнула Кларисса. – Мне предлагали повезти балет. Но танцы там не главное.

– А что же главное? – вытаращился Сева. Ведь действительно: везут танцевать, а танцы не главное, как это?

– Там самый важный процесс – консумация.

– Что? – буквально в унисон спросили Сева и Руслан.

– Вас удивляет слово? – слегка улыбнулась Кларисса. – Признаться, я долго не знала, как оно пишется и что означает. В словарях нашла французское слово *consommer*, которое переводится как «потреблять, расходовать». Думаю, правильнее было бы писать «консомация», но как-то в газете читала статью, там писалось «консумация». Что ж, журналисты лучше знают, как писать. Погодите, я сейчас позову Анжелику, вы узнаете об этом подробнее.

Она вышла, а вернулась с юношей. Красивым, надо сказать, юношей, блондином с длинными, ниже плеч, кудрявыми волосами, стройным. У Севы вырвалось:

– Ты Анжелика?!

Едва тот заговорил, все стало ясно: голубой, аж синенький.

– Ой, это у меня кличка такая. Моя любимая книжка про Анжелику. И фильмы я люблю про Анжелику и короля. Девчонки и дали кличку, мне она нравится.

– Анжелика, – прервала манерную речь танцора Кларисса, – расскажи, что такое консумация.

– Ой, ну это просто. – Анжелика выбрал в собеседники Руслана, говорил исключительно ему: – Вы приезжаете, вас селят в отель... Это хорошо, если в отель поселят, а то и в сарай какой-нибудь засунут. Меня так однажды поселили, что не мог дожидаться отлета. Ни помыться, ни отдохнуть. Ну вот. А потом в кабаке или в казино вы даете представление. И после и до представления вас заставляют танцевать в са-

лоне. Клиенты сидят за столиками и выбирают. Потом клиент подзывает официанта или того, кто занимается рекламой девушек, в разных странах этого человека называют по-разному. Тот приводит клиенту понравившуюся девушку. Она должна с ним потанцевать, посидеть за столом и постараться раскрутить его, ну, чтоб он как можно больше заказал еды и питья, особенно спиртного. Это выгодно боссу, за консумацию он и платит.

– И все? – спросил Руслан. – А если клиент захочет переспать с девушкой?

– Это уже как она решит. Есть девушки, которые едут только на консумацию, без танцев. Они выполняют любое желание клиентов. Этого мало, они должны держаться за клиента, то есть заиметь постоянного поклонника, который будет вываливать бабки за ее капризы. Девчонки с постоянным клиентом получают премии от босса.

– А парни тоже исполняют эту самую... консумацию? – с долей брезгливости спросил Сева.

– Вам будут говорить, что нет, – не верьте, – ответил не Севе, а Руслану Анжелика. – Только не во всех странах парни пользуются спросом. Например, в Турции в ходу одни девушки, да что говорить – мусульмане! Понимаете, они, может, и хотели бы с парнем завести адюльтер, да никогда в этом не признаются – их свои же заклеят позором. В общем, варвары. А в европейских странах всякий товар в ходу. Но все равно парни не очень-то пользуются спросом, они,

скорее, антураж девчонкам, поэтому их всегда в коллективах мало. Многие хореографы, зная, что балет едет на консумацию, парней вовсе не берут, особенно в экваториальные страны. Зачем ему пара-тройка дармоедов, которые лишь пляшут? Кстати, те девчонки, кто едет только на консумацию, хорошо зарабатывают, ну, кидают и балетмейстеру, они же едут с его балетом, находятся под его покровительством. А у танцовщиков руководитель нагло забирает бабки, дает мизер.

– Скажи-ка, пожалуйста, – обратился к нему Руслан, – что может с девушкой произойти, например, в Турции?

– Все что угодно, – мгновенно ответил Анжелика. – И не только в Турции.

– Ну а что это – все?

– Все. Понимаете, когда туда попадаешь, тогда и понимаешь: никто не даст тебе гарантий, что ты вернешься назад или хотя бы останешься невредимым.

– Пока у меня тоже все, – вздохнул Руслан.

– Иди, Анжелика, – сказала Кларисса. Когда он ушел, бросив в Руслана полный нежности взгляд, она дополнила его рассказ: – Как видите, это своеобразная форма проституции и приносит хороший доход хозяину заведения, куда везут балет. Поэтому я не вожу ребят. Представьте: растишь их с детства – я ведь еще в школе работаю хореографом, – знаешь семьи, чем ребята болели, в кого влюблялись, они становятся родными. Ну и как их потом продавать? Лично я не могу.

– Спасибо, – поднялся Руслан, за ним Сева.

Они уже подошли к двери, как вдруг Кларисса догнала их:

– Я вспомнила одну вещь. Девочки говорили, что те, кто набирал балет в нашем городе, живут в Краснодаре. Может, это вам пригодится.

– Вы говорите – девочки, – сказал Руслан. – Кроме Насти, еще кто-то поехал?

– Из моих учениц поехали Настя и Роза Ибрагимова.

– Ибрагимова? Я слышал, она вернулась. Роза заходила к вам?

– Нет, – покачала головой Кларисса. – Думаю, тот, кто вам говорил, что Роза вернулась, обознался. Она бы обязательно зашла ко мне, обязательно.

Руслан еще раз поблагодарил, а Кларисса проводила его и Севу до выхода. Она смотрела через стеклянную дверь, как оба сели в машину, и думала о своих воспитанницах. К ней подошел Анжелика, полюбопытствовал:

– А кто тот, черненький, сбитенький?

– Майор милиции.

– Ну прямо Жофрей де Пейрак, – мечтательно произнес он.

– Катись на эстраду, мужелюб, – беззлобно оттолкнула она юношу.

Сева плюхнулся на сиденье рядом с Русланом и посмотрел в сторону казино:

– Ах, казино, рулетка, бабки... Руслан, ты любишь азарт-

ные игры?

– Люблю одну. Со смертью, – и Руслан повернул ключ.

– Слушай, иди ты со своей любовью знаешь куда?..

Руслан сорвал машину с места. Путь их лежал в порт.

6

На следующий день в половине одиннадцатого Магомед и Бурак заняли пост наблюдения, припарковав автомобиль неподалеку от агентства. Оба хищно следили за входом. Без пятнадцати одиннадцать туда вошла...

– Мамаша! – пролепетал Бурак, вытягивая шею.

– Какая мамаша? – вяло осведомился Магомед.

– Да вчера подвез тетку. Стольник дала, я ж говорил.

– Такая замухрышка стольник вывалила? – недоверчиво произнес Магомед.

– Вот и я про то же, – задумчиво растирал небритый подбородок Бурак. – Чего ей в агентстве делать?

– Одно из двух: или продает, или покупает недвижимость.

– А не наша ли это мамаша? – вдруг заерзал Бурак. – Примчалась к сроку... Слушай, Мага, мне там маячить нельзя. А ты зайди, послушай их базар.

Выждали до десяти минут двенадцатого, после этого Магомед вошел в агентство. Мамаша и агент негромко переговаривались, но он все услышал.

– Подождем еще пять минут, – уговаривал молодой человек.

– Если б он хотел купить, приехал бы раньше меня, – возразила мамаша. – И не стоит мой дом таких денег.

– Но раз человек хочет их выложить, вам какая разница?

Подумайте о выгоде.

– Это опять займет несколько дней, а я не хочу ждать. У меня уже билеты куплены. Боюсь, погонюсь за журавлем, а синицу потеряю.

– Вы самая странная клиентка, – взмахнул он руками и прошелся по комнате, увидел Магомеда. – Вы к нам?

– Да, хочу купить жилье.

– Вы не могли бы подождать немного? Сейчас освободится помощница и предоставит вам перечень недвижимости, у нас большой выбор.

– Нет проблем, – взмахнул руками Магомед, показывая агенту ладони. – Я в машине подожду.

Выходя, он услышал, как сказала мамаша:

– Двенадцатый час. Поехали к нотариусу. Я не хочу сердить людей.

– Ну, как скажете. Вы теряете большие деньги, – расстроился агент.

– Молодой человек, люди теряют больше иногда...

Магомед вернулся в такси, подмигнул Бураку:

– Она.

Тот удовлетворенно прищелкнул пальцами и выехал с места парковки.

Руслан и Сева, не забыв обещание директора дворца культуры показать договор аренды, приехали к ней в то же время, когда Магомед вошел в агентство. Встретила их Евдо-

кия Акимовна, разве что не расцеловав. Радости не скрывала, чаек предложила, конфеты в коробке достала, а потом ошарашила:

– Представляете, договор аренды не можем найти! Все договоры на месте, а который вам нужен – нету. Куда он делся – понятия не имеем!

– Убежал, – подсказал Сева, ехидно ухмыляясь.

– Шутить изволите? – обиделась та, протирая стекла очков носовым платком. – Да не беспокойтесь, найдем. Бухгалтер, наверно, сунула не туда. Только теперь времени понадобится больше, это ж весь архив перерыть...

– Как найдете, позвоните, – холодно прервал ее Руслан. Очутившись в машине, поделился впечатлениями: – Крутит наша Дуся. Что-то она знает, но не хочет сказать.

– На фиг тебе договор? – пожал в недоумении плечами Сева.

– С чего-то ведь надо начинать. А если фамилии не липовые? Ты учти: в договор обязательно вносятся паспортные данные, место жительства. Ладно, Дусю мы теперь берем на мушку. Едем в порт? Там быстрее дадут сведения. Они обещали.

Новый начальник порта, не такой спесивый, как бывший, поведал:

– Да, в Турцию ходят суда, в основном грузовые. Из Сочи ходит в Турцию корабль с челноками, только это не всем удобно. Где-то четыре года назад бывший начальник порта

добился разрешения брать пассажиров на борт. В общем-то, дело хорошее. Ну действительно: зачем людям тащиться в Сочи, когда можно из более близкой точки выехать? К нам товар привозят и турецкие суда, а наши предприниматели свозят его на оптовую базу, у них договоры с турками. Так освободили людей из дальних точек России от лишних затрат. Они приезжают на оптовую базу, берут товар и развозят по городам. Только в компьютере не сохранилось данных о рейсах в октябре, вернее, рейсы есть, а информации о пассажирах нет. Программист испариной покрывлся и от кофе приобрел кофейный цвет, рыская по компьютеру. Утеряна информация, и все.

– Потрясающий день невезения! – хмыкнул Сева.

– Да у меня скоро крыша поедет, – с отчаянием в голосе оправдывался новый начальник порта. – Тут черт ногу сломит. Наворотили! Документация не совпадает, точное количество акционеров неизвестно, пригласили аудиторов, те тоже скоро свихнутся. Так что, ребята, извините. Будем искать, если обнаружим, сообщим.

– Это только у нас может случиться, – подытожил Сева уже в машине. – Договор аренды убежал из архива. Волна накрыла и смысла информацию в компьютере. Частично смыла. Хорошо, что у нас есть море, а то кто бы тогда смывал?

– Бывший наш «судовладелец» был мастак на сбрасывание концов в воду, – проговорил сосредоточенно Руслан. – Что у нас еще есть? Краснодар. И там проживают Берта Ста-

ниславовна и Яков Олегович. Послушай, а ведь Берта Станиславовна – редкое сочетание. Значит, сделаем запрос в Краснодар, чтобы нам предоставили адреса всех, кто проживает там с этим именем и отчеством.

– Шутишь? Это ж не фамилии найти! Нас так пошлют...

– Тогда попрошу помощи у Артема, – отрубил Руслан и поехал к дому Ибрагимовых. – Артем клялся, что в случае нужды поможет.

– Да верь ты ему, – отмахнулся Сева. – Рванул в свою Москву и забыл про нас.

Съездили впустую, дом Ибрагимовых, как и в прошлый раз, был пуст. Соседка сказала, что никто больше не интересовался домом и хозяевами.

II. Не забудьте о вашей Розе...

1

Наступила ночь. Роза с нетерпением ждала завтрашнего дня... нет, уже сегодняшнего. И настанет новый отсчет времени. В предвкушении перемен девушке не спалось, а мама мирно посапывала в соседней комнате. Роза достала сложенный вчетверо листок, заново перечитала. Дядя Витя, боялась, не поймет, а надо, чтоб понял. Порвав лист на мелкие клочки, она сожгла их в небольшой керамической плошке, где уже была горка пепла. Роза писала записки и сжигала их. Задумавшись, принялась снова писать. Записка получилась короче...

Вдруг за окном что-то ухнуло. Роза вздрогнула всем телом, напряглась, сжавшись от страха. Форточка открыта, ведь невозможно сутками сидеть в душной комнате, хочется глотнуть свежего воздуха. Вскоре послышалось урчание, в форточку влезла кошка, прыгнула на диван к Розе и улеглась в ногах. Девушка расслабилась, хотя сердце тревожно билось. Окончательно успокоившись, опять устала на листок, перечитывая написанное.

Только Роза знает, что стоит за этими словами, какими страшными знаками они являются. Когда память, помимо

воли, возвращала ее назад, Роза сжимала голову пальцами, словно пыталась проникнуть в мозг и выдрать из него все-все, чтобы вообще ничего не помнить. Иногда она не верила, что это случилось с ней, думалось, просто приснился кошмар, который не имеет отношения к Розе. Но она знала: было. И переживала все вновь и вновь, будто это случилось вчера, а завтра начнется заново. Так можно сойти с ума. И тогда Роза с усилием переключалась на финал кошмара, потому что...

Она бежала ночью темными переулками, босая, опасаясь погони. Туфли сняла и намеренно бросила их в другую сторону, надеясь запутать преследователей, а сама понеслась в противоположную. Где-то там центр города с высотными домами и отелями, там живет и работает знакомая. А куда еще бежать? Без документов, без денег, в чужой стране? Одна девчонка примчалась к посольству, но не смогла пробраться внутрь, ее не пустила охрана. Да и посольства, как узнала Роза, не благоволят к девушкам, попавшим в беду. Девчонку поймали, а потом она неизвестно куда делась. Можно лишь предполагать, что с ней сделали. А Роза страстно хотела жить, хотела домой к мамочке. И если бы впереди простиралась суша, она бы не побоялась идти пешком. Но впереди море, огромное, вплавь его не преодолеть. Роза решила умереть, если ее вернут назад. Она так решила...

Сбилось дыхание, пересохло во рту, в глазах рябило, а

сердце просто выпрыгивало из груди, но Роза бежала и бежала, не останавливаясь на передышку. Бег казался слишком медленным, как во сне. С каждым шагом слабели мышцы, силы быстро оставляли. Ноги давно отвыкли от нагрузок, отвыкло тело. А надо бежать. Вдруг очутилась на ярко освещенной улице. Роза приостановилась перевести дух и осмотреться, чтобы сообразить, куда теперь податься. Она оперлась рукой о стену и дышала, изредка облизывая потрескавшиеся губы и проглатывая сухой ком. Внезапно услышала резкую речь, знакомые голоса. Внутри все оборвалось: догоняют! Кругом полно огней и людей. Но каких людей? Что им до девушки-иностранки? Роза, не оглядываясь, сорвалась с места, слыша, как сзади ревет мотор автомобиля. Машин было много, но звук этого мотора она узнала бы из миллиона. Перед глазами расплывалась улица в огнях, шумело в голове, все качалось, а ноги несли ее вперед. Только одна мысль засела глубоко в мозгу: бежать.

Автомобиль был близко. Роза не поворачивала голову назад, просто чувствовала, что он близко. «Надо держаться подальше от проезжей дороги, не заедут же они на тротуар», – подумала она. Нестерпимо кололо в боку. Роза помчалась вдоль стен домов и магазинов, касаясь руками каменных выступов, чтобы не упасть. А глаза искали, искали выход. Но вот часть улицы, где нет людей. Автомобиль обогнал несколько машин – здесь обгон разрешен с обеих сторон – заехал колесами на тротуар, из него выскочили двое...

– Буду бежать, пока не умру, – прошептала она. Уже механически, плохо соображая, рванула с небывалой силой, как ей казалось.

Неожиданно Роза столкнулась с человеком. «Все!» – пробило в сознании, и сразу ослабли ноги. Человек что-то спросил по-турецки. Сквозь пелену в глазах девушка увидела форму, усы, седые волосы, пожилое лицо.

– У вас есть дочь, отец? – спросила хриплым голосом по-английски. – Ради Аллаха, спасите меня, как вы бы спасли свою дочь...

Она прекрасно знала, что полицейские здесь – люди грубые, не терпят юных иностранок, приехавших в Турцию за легкими деньгами. Но ведь надо надеяться на хорошее, не может же быть все время только плохое! Да и не было другого выхода, его просто не было. Роза смотрела в черные глаза полицейского и умоляла без слов. Она была уже не способна бежать и, если бы этот человек не поддерживал ее, упала бы. В это время подбежали двое из автомобиля, который ее преследовал. Один схватил за руку, но Роза крепко вцепилась в полицейского, на это сил хватило. Подоспел на помощь второй...

Короткие фразы, которые она не понимала... Ее вырывали, Роза не давалась. Спор... Полицейский что-то говорил, те двое отвечали, требовали... Что требовали? Конечно, ее, Розу! Губы девушки прошептали: «Спасите! Пожалуйста! Они меня убьют», – но уже по-русски, и Роза упала

в обморок...

... Она часто падала в обмороки, а после долго болит голова. Вот и сейчас, почувствовав знакомое удушье, Роза, откинув голову на подушку, глубоко задышала, стараясь перебороть подступавший приступ. Обошлось. Девушка свернула лист вчетверо и положила под простыню у изголовья. Уставившись в потолок, видела...

... Очнулась в незнакомом месте. Голова раскальвалась, перед глазами стояла пелена, но, напрягая зрение, огляделась. Рассмотрела уютную маленькую комнату в коврах, где почти не было мебели. Роза лежала на тахте, прикрытая плотным шерстяным покрывалом с тканым восточным узором. Она приподнялась на локтях, сил на большее не хватило, потом осторожно легла назад, не понимая, где и почему находилась. Вошла женщина, взглянув на девушку, тут же вышла. Следом вошел мужчина. Роза подумала, что где-то видела его, но где?

– Ты, кажется, говоришь по-английски? – спросил он на плохом английском.

– Немножко, – выговорила Роза по-русски. Мечтая о поездках по разным странам, она тщательно изучала английский язык, а мама радовалась и выкладывала по возможности деньги на дополнительные занятия.

– Ты мусульманка? – спросил он.

Это слово она слышала не раз и на английском, и на турецком уже здесь, в Турции. Что отвечать? Дома не принято было открыто молиться. Мама, таясь от Розы, молилась, но какому богу? Однако от этого зависело многое, от этого зависела ее жизнь, – догадалась тогда Роза, поэтому сказала твердо:

– Да. Я мусульманка. Я татарка.

– Ты откуда?

– Из России. Россия.

Он с сочувствием покивал головой, ушел. Вернулась та же пожилая женщина с подносом, подала в пиале бульон. Роза с жадностью пила горячий бульон, обжигая рот. Ничего вкуснее до этого она не ела, как ей показалось. Женщина положила и лепешку, но Роза насытилась бульоном, притом страшно устала, на теле выступил пот. Она легла и уснула, доверившись интуиции, которая подсказала, что здесь ей нечего опасаться.

2

Полицейский Мустафа жил с женой в небольшом доме в старом квартале Анкары. Анкара – ухоженный и чистый город, современный. Он не похож на город из восточных сказок, не то что Стамбул. И вообще, Роза думала, что Анкара – это райский сад. Но зелени, как оказалось, здесь маловато, а бело-серые дома с красными крышами выглядят однообразно, да и спальные районы напоминают европейские. И все-таки это другой мир, незнакомый, загадочный, совсем не похожий на тот, к которому она привыкла с детства. Когда попадаешь в этот мир, ждешь нескончаемого праздника. Только у чистоты и внешнего блеска есть обратная сторона – грязная, жестокая, темная. У Розы одно упоминание об этом городе вызывало озноб.

Мустафа имел двух взрослых сыновей и дочь, которые жили отдельно от родителей. Ночью он отбил Розу у подозрительных типов, которые не решились связываться с полицейским, к которому подросла помощь. Роза поразила его истощенным видом и отчаянием, с каким просила спасти ее. А те двое сказали, что она жена одного из них и полицейский должен вернуть девушку. Последние слова Роза произнесла, кажется, на русском языке, затем упала в обморок. Вращаясь среди туристов, а город наводнен ими, Мустафа научился определять, из какой страны пожаловал иностранец. По ха-

рактерному произношению слов Мустафа предположил, что девушка русская. Ее откинута рука со следами уколов хорошо выделялась на сером тротуаре.

Тут-то он и усомнился в правдивости слов подозрительных типов, вежливо попросил показать документы. Те принялись нести, что ничего не нарушили. В это время Мустафа думал, как поступить. Вполне вероятно, что девушка жена, не вынесшая крутого нрава мужа. Но какой бы ни был муж, а пичкать наркотиками жену не станет. Второй вариант: жена втайне от мужа принимала наркотики, ему, конечно, это не понравилось. Мустафа знал еще варианты, например, как обманом завлекают девушек на заработки в Турцию, а потом заставляют заниматься проституцией. Сам неоднократно делал рейды в притоны, отлавливал молоденьких рабынь, потом их депортировали на родину. Случалось, девушки сбегали из притонов, их ловили хозяева, потом рабынь ждала самая разнообразная судьба: инвалидность от побоев, улица, скорая смерть. Бизнес, связанный с проституцией, – настоящий бич во всем мире, куда уж Турции справиться с этой проблемой. Если девушку насильно запихнули в притон, то побег и просьба о помощи у полицейского вполне оправданы. Мустафа подумал о своей дочери и о том, что не хотел бы увидеть ее в таком бедственном положении: Роза лежала у его ног на холодном тротуаре. А ведь у этой девушки есть родные, которые любят ее, как он свою дочь.

Мустафа настаивал на предъявлении документов. Двое

парней вернулись к машине, а потом прыгнули в нее и умчались. Напарник предложил догнать, но Мустафа попросил его переложить девушку в машину. Только вот куда ее везти? В полицию? Она очень слаба, в полиции толком не накормят. И еще в его ушах звучали слова: «Ради Аллаха, спасите меня, как вы спасли бы свою дочь». Девочка бежала к нему, доверилась, понадеялась. Она похожа на его дочь, такая же черноволосая, черноглазая, скуластая и красивая. Собственно, полицейский участок стоит на месте, ей все равно не миновать его, но вначале пусть окрепнет – так он решил. Мустафа отвез Розу к себе домой. Ее ждала депортация, это очень хороший исход для девушки.

А впереди ждали неприятности. Мустафу вызвали к начальнику, когда он явился на службу утром. Начальник был не один, у него сидела толстая старуха, как сказали – свекровь Розы, она требовала вернуть невестку. Мустафа не удивился, что именно у него потребовали вернуть девушку, ведь вычислить полицейского, патрулировавшего тот район, было не сложно. На груди полицейские носят карточки, к тому же с ним был напарник, наверняка сообщивший, куда отвезли Розу. Не понравилась женщина Мустафе, что-то нехорошее было в ее колких глазах, которые она не прятала, а, напротив, цепко впивалась ими в полицейского. Догадавшись, что молчаливый полицейский не доверяет ей, она протянула брачное свидетельство и паспорт невестки. Мустафа, внимательно изучив свидетельство, уже решил отдать девушку за-

конным владельцам. И вдруг старуха слезно заголосила:

– Мы ее так любим, так любим... У нее голова плохая, совсем прохудилась голова, вот она и побежала. А мы столько денег потратили на лечение, лелеяли ее...

Это было лишним. Многочисленные побои на теле Розы говорили, что с ней обращались жестоко, девушка истощена, а следы уколов далеко не лечебного свойства... и при всем этом такая любовь? От любви не убегают. Мустафу раздраляли противоречия, пока читал и слушал. Не знающую чужого языка девушку под давлением можно заставить подписать что угодно. И в то же время права на стороне старухи и ее сына, значит, о депортации не может быть речи. Он вернул бумаги со словами:

– Я привезу девушку.

Старуха удовлетворенно закивала, утерла слезы и вышла из участка. Из окна он видел, как села она в машину, которая не сдвинулась с места, значит, будет ждать.

– Старуха врет, – сказал он начальнику.

– Привезите девушку, – был приказ.

Мустафа поехал на полицейской машине, видя в зеркало, как за ними неотступно следовал автомобиль. Это был не тот автомобиль, в который села старуха, другой, длинный, дорогой. За свою карьеру полицейского Мустафа не привык сидеть на крючке у неизвестно кого. Он приказал водителю оторваться от «хвоста», тот послушно исполнил просьбу, легко лавируя по узким улочкам старого города, где лимузи-

ну маневры выполнять трудно, неудобно, а иногда и невозможно.

Он вошел в комнату Розы, пристально посмотрел на девушку.

– Тебя требует вернуть свекровь, – сообщил он по-английски.

Роза не поняла слова «свекровь», переспросила, кто ее хочет вернуть.

– Мать твоего мужа.

– У меня нет мужа! – вскрикнула Роза, догадавшись, что ее ждет. Ничего больше не оставалось, как упасть на колени и молить человека, который был так добр к ней: – Отец, прошу вас... не отдавайте меня! Лучше убейте.

Она плакала горько, захлеб и, не переставая, умоляла убить ее. А Мустафа не знал, что делать. Такое с ним случилось впервые. Он обязан выполнить приказ. И почему-то был уверен, что девушку ждет страшная судьба, от которой она попыталась убежать.

– Чем ты занималась в Анкаре? – спросил Мустафа.

Роза подняла на него глаза, искавшие защиты, и тут же опустила их. Она боялась этого вопроса, так как прекрасно знала, с каким презрением относятся к проституткам в стране вечной весны. Она не знала, как объяснить, что не по своей воле попала на дно, что ее заставили, а заставлять здесь умеют, поэтому молчала, закрыв лицо ладонями.

Мустафа догадался сам. Сколько он видел на улицах горо-

дов молоденьких девушек – не пересчитать. Одни приезжают сюда по доброй воле, этим везет почему-то больше. Их ловит полиция, потом депортируют, а дурехи яростно сопротивляются. Других привозят, посулив золотые горы, и насильно продают, держат запертыми в притонах, отбирают документы. Эти чаще погибают, потому что выбраться из притона практически невозможно. Но такие девушки и спросом пользуются, потому что с ними можно делать все, абсолютно все, у них ведь особый статус – статус рабыни. Эта категория девушек приносит баснословные деньги хозяевам, а содержание их почти ничего не стоит. Третьи приезжают по рабочей визе, исправно работают и потихоньку занимаются проституцией, имея надежное прикрытие – хозяина, где живут или где промышляют. Эти пользуются свободой, неплохо зарабатывают. О, сколько существует уловок для процветания грязного бизнеса. Роза, очевидно, попала в самую мерзкую категорию, ей удалось бежать, назад она не хотела. Судя по всему, ее хозяйева очень хорошо подготовились, из рук добычу не выпустят. Но почему они рисковали, придя в полицию? Для них же лучше сидеть тихо, девушку депортировали бы, все остались бы при своих интересах. Почему так усиленно хотели вернуть рабыню? Почему?

А девушка с трепетом ждала приговора. Мустафа представил на месте Розы свою дочь и двух внучек, ему совсем стало нехорошо, заныло в груди. Видно, постарел, раз долг отошел на второй план, а на первом оказалась жалость, про-

стая человеческая жалость. Вообще-то он уже в том возрасте, когда мужчина перестает бояться земных начальников, потому что существует начальник повыше – бог. И все же колебался. Если не придумать какой-нибудь трюк, девушку придется отдать. Все его существо протестовало против выдачи. Он еще подумал некоторое время, меряя шагами маленькую комнату, затем позвонил:

– Ингин, срочно приезжай, срочно.

Мустафа настрочил записку, позвал жену:

– Отдашь сыну. И пусть затрет номера на машине. Передай, чтоб поспешил, у меня мало времени. Пойдем, дочка, – обратился он к Розе на английском. – Ничего не бойся.

Она поднялась с пола и послушно побрела за ним. По длинной и узкой террасе шли неторопливо, Мустафа еле слышно заговорил:

– Слушай, дочка, слушай внимательно, потому что не смогу повторить дважды. Мы сейчас поедем в полицейский участок. Недалеко от него я прикажу остановиться, пойду купить воды. Там же будет стоять машина бежевого цвета...

– Какой цвет? – переспросила Роза, так как плохо поняла.

Мустафа показал на цветочный горшок и продолжил:

– Когда я зайду в лавку, беги к той машине, она будет за углом, но ты увидишь ее. Беги быстро, как только сможешь. Садись в машину, и да поможет тебе Аллах. И мне. Это все, что я могу для тебя сделать. Ты поняла? Ты хорошо поняла?

Она кивнула несколько раз, а он больше ничего не сказал,

посадил дрожащую Розу в машину, сел сам. Водитель повез их в полицию...

3

Второй час ночи, а Розе не спалось. Она разволновалась, словно сейчас находилась не в уютной постели, а в полицейской машине. Позже она поняла, как рисковал Мустафа и какому риску подверг сына. Почему он это сделал? Кто ей мог ответить, кроме самого Мустафы – седовласого, коренастого, с огромными и умными глазами турка? Но тогда она не спросила его, не спросила и потом. Тогда Роза пережила еще несколько страшных мгновений, которые не позволяли задуматься.

... Мустафа приказал водителю заехать по пути еще в какое-то место, турецкий язык Роза понимала совсем плохо. Он неторопливо вышел, не подав знака, значит, бежать следовало не в этом месте. Еще покружили по городу, объезжая точки, находившиеся под контролем полиции. Позже она догадалась: покровитель тянул время. И вот выехали на улицу, вдалеке висели опознавательные знаки полицейского участка. Роза напряглась, а Мустафа что-то бросил водителю, тот остановился примерно в пятистах метрах от полиции. Мустафа взглянул на Розу и указал глазами в переулок, где она заметила зад бежевого автомобиля. Он вышел, направился к лавке. Роза лихорадочно мяла пальцы, оглядываясь по сторонам.

Вдруг увидела, как из машины у полицейского участка вылезли старуха и мужчина, они двинулись в их сторону. Роза узнала обоих. Екнуло сердце, забилося, причиняя боль, отдаваясь в ушах. Не раздумывая, она выскочила из машины и помчалась фактически навстречу своим палачам – переулок находился как раз посередине. Старуха завизжала, выкрикивая какие-то слова. Мустафа обернулся, оценил ситуацию, но бросился не наперерез девушке, а к машине, запрыгнул. Водитель, сорвав машину с места, догонял девушку, но так случилось – перекрыл дорогу преследователю, едва не сбив того. Ему помешал Мустафа, схватившись за руль. Роза запрыгнула в бежевый автомобиль и закричала на турецком:

– Чабук! Чабук!

Как она ненавидела это слово! Слишком часто оно звучало приказом ей, поэтому его первым и запомнила: **быстро!** Но тогда оно было спасением, надеждой, связующим звеном между ею и водителем. Сидевший за рулем черноволосый мужчина не выключал мотор, он сразу рванул и скрылся, прежде чем полицейская машина вырулила в переулок.

Получилось – Роза убежала на глазах у всех. Возможно, вина полицейского Мустафы была, да только в чем? В том, что он вышел купить лимонад? Так даже не успел купить. Пренебрег мерами предосторожности и не запер надежно девушку? Наверное, в этом вина есть. Так ведь Мустафа не мог предположить, что свекровь и муж выйдут из машины. Девчонка заметила их, испугалась – у нее же плохая голова – вот

и дунула прочь. А тут такси на пути. Номер никто не успел рассмотреть, да и что это даст? Таксисту все равно кого везти, раз платят деньги. За руль схватился? А как же было не схватиться, когда водитель мчался на мужа девушки? В общем, Мустафа счастливо избежал серьезных неприятностей. А вот Розу они поджидали.

«Свекровь» предоставила фотографии Розы, требовала найти ее. В полиции пообещали сделать все возможное, чтобы вернуть невестку «домой».

Тем временем Ингин благополучно спрятал девушку в небольшом загородном доме. А ей стало плохо, ломило кости, подступал жар. Началась обычная ломка. Роза решила не сдаваться, знала: надо переждать. Да и кто ей предоставит наркотики? Хотя и терпела, не показывала вида, как ей плохо, боясь потерять покровителя, тем не менее становилось все труднее справляться с собой.

Мустафа приехал вечером, и тут у него и сына разгорелся спор. По всей вероятности, Ингин пенял отцу, подвергнутому опасности не только свою репутацию полицейского, но также вовлекшему в это дело сына. Ничего из их разговора Роза не разобрала, кроме слова «депорт». Она вскочила, закивав головой:

– Да! Да! Депортация! Пожалуйста! Я хочу – депорт!

Мустафа и Ингин лишь с жалостью посмотрели на нее. Роза разволновалась:

– Нельзя? Почему? Я хочу домой. У меня в России мама...

С трудом объяснили, что депортировать ее могут только в дом мужа. У полиции есть ее фотографии, на границе обязательно схватят.

– Но у меня нет мужа! Это ложь! – расплакалась Роза, понимая, что из страны теперь не выбраться. А тут еще боли...

– Роза, почему они в тебя так вцепились? – спросил Ингин. – Ты что-то знаешь, чего не должна знать?

Она передернула плечами, мол, не знаю ничего. Но Роза понимала, что должна убедить их не отдавать ее. Поэтому продолжила говорить пересохшими губами, перемежая русские фразы с английскими:

– Они били. Потом... насильовали. Я подумала: если стану послушной, мне будут доверять. Я подчинилась. Помогала убирать, смеялась. Мне было плохо. Они кололи... я делала вид, что мне нравится. А я не хочу, правда, не хочу... Так вошла в доверие. Меня хвалили, давали деньги, потом отнимали. Стали выпускать. Я бегала в лавки за сигаретами и... не помню. Всегда возвращалась. Время увеличивала, когда отлучалась. Но все равно возвращалась. Однажды не вернулась... и встретила вас...

Она подняла глаза на Мустафу, проверяя: понял ли, о чем рассказывала.

– Тебе плохо, дочка? – спросил он.

Роза ушла в угол, потеряв интерес к собственной судьбе. Усевшись, принялась раскачиваться, дабы отвлечься от болей. Ингин и Мустафа переговаривались.

– Кажется, у нее ломка, – сказал сын осуждающе. – Она еще и наркоманка.

– Не надо, Ингин, ей несладко пришлось. Она говорила правду. Чтобы сделать рабыню послушной, достаточно несколько раз вколоть, ты же знаешь. Видишь, как она борется? Принеси холодного вина.

– Как хочешь, отец, но ты ввязался в скверную историю. Если узнают, что мы скрывали ее у себя... ты знаешь, что будет. Ты рискуешь, отец, очень рискуешь.

– Аллах захотел, чтобы я помог ей, значит, так тому и быть.

Ингин ушел за вином, а Мустафа присел около девушки на корточки, развернул карту Анкары:

– Где тебя держали? Вот здесь, – он ткнул пальцем в карту, – мы встретились. А откуда ты бежала? Покажи. Там еще есть девушки?

Она утвердительно кивнула и, словно от мороза, поежилась.

– Дочка, покажи место. Это плохие люди. Их место в тюрьме.

Роза собрала силы и попыталась сосредоточиться. Карта расплывалась перед глазами, бил колотун и катился холодный пот. И все же Роза определила юг, север, восток. Она указала пальцем в северо-западный район, затем откинула голову к стене. Мустафа поднялся, в это время сын принес бутылку вина, налил в стакан и протянул Розе:

– Пей. Все пей.

У сына Мустафы с английским был полный порядок. Роза разжала непослушные пальцы, взяла стакан и поднесла ко рту. Терпкий, пряный аромат ударил в нос, она залпом выпила сухое красное вино, прислонилась к стене. Почему-то стало ломить в ключицах, нестерпимо ломить. Ингин налил второй стакан, протянул:

– Пей. – Роза отрицательно мотнула головой. Жгло в желудке, горело тело. Ингин настойчиво повторил: – Пей!

Девушка послушно выпила. И еще заставили пить. Роза плохо соображала, боли и опьянение мутили, она поднялась и, шатаясь, побрела к выходу, чувствуя тошноту. Мустафа помог выйти, придерживал за плечи, когда девушку вывернуло наизнанку. Тут же перед носом появился полный стакан вина:

– Пей!

– Не могу, – промямлила Роза, раскачиваясь. Теперь все вокруг плыло и крутилось не от наркотической недостаточности, а от сильного опьянения.

Выпить заставили. Ее рвало, но ей вновь приказывали пить. В конце концов Роза отключилась. И проспала до утра. На следующий день ломка возобновилась, ее снова заставляли пить вино до бесчувствия. Когда Ингин и Мустафа уезжали, Розу запирали, поставив железную лохань и вино в большой, литров на пять, бутыли, приказав пить, пока не свалится без памяти. Она неукоснительно выполняла требования,

потому что хотела вернуться домой, к маме. Мама... Она была так далеко. Мама ждала Розу, любила ее, только к ней стремилась девушка. Мысли о маме спасли Розу, когда было нестерпимо плохо, а она, стиснув зубы, не жаловалась, лишь думала: все пройдет, надо переждать. И пила вино.

Ломка прошла в пьяном угаре, но Роза не сошла с ума от болей и, к счастью, не пристрастилась к алкоголю. В конце недели бледная, с синими кругами под глазами Роза отказалась от вина, сообщила, что ей стало лучше. Мустафа погладил ее по голове:

– Ты сильная девочка.

А утром закрыл ее в багажнике и, помолившись, повез в Стамбул.

4

Два часа. Роза улыбнулась, а не улыбалась она давно. Лежа на диване в полной безопасности, вдруг поняла, что ей достался ОДИН ШАНС ИЗ ТЫСЯЧИ. И шанс этот – Мустафа, образ которого останется в ее сердце навсегда. Кто знает, может, обосновавшись на новом месте, Роза сможет пригласить человека, называвшего ее дочерью? Будет совсем другая встреча – полная безбрежного счастья, благодарности и любви. А уж Роза теперь никуда, никогда, ни за что не поедет. На глаза навернулись слезы, но она ясно видела седые волосы, густые усы, черные глаза, человеческие глаза...

Около восьми часов добирались до Стамбула. Там порт, там надежда на спасение. Стоило попробовать попасть на корабль, плывущий в Россию. Россия... Роза согласна была на лодку и весла, уж как-нибудь догребла бы. Ее не пугало расстояние, по карте посмотришь – так и плыть всего ничего. Но существуют границы с той и с другой стороны, существуют законы, существуют люди, карающие за нарушения законов. Все равно, пусть нищета, лишения, но в России. Пусть тюрьма, но в России, дома.

Подъехав к Стамбулу, Мустафа дал Розе одежду, какую носят большинство женщин в Турции – черный балахон, закрывший ее с головы до пят. Ждали темноты. Вечером, ко-

гда город заискрился огнями – а это потрясающее зрелище, – Мустафа привез Розу в дешевый отель на окраине. Весь следующий день она просидела в номере, не обращая внимания на старую обстановку и облезлые стены. Только по призыву муэдзина с минарета определяла время. То, что она уже не в Анкаре, радовало, но и тревожило. Как попасть на корабль без документов? И Россия большая, если приплыть в отдаленную от дома точку, как потом добираться?

– О чем это я? – говорила себе вслух Роза. – Доберусь. Пешком доберусь. Только бы попасть на тот берег, а уж там доберусь.

Вечером отправились в порт. Мустафа узнал у знакомого, работавшего в порту докером, когда отправляются ближайшие корабли в Россию. Прогулочной походкой они проходили мимо причалов, Мустафа указал на лайнер, исковеркав слово:

– Одесса.

– Это не Россия, – нахмурилась Роза.

– Новороссийск, – показал на следующий корабль.

– Да! – загорелись глаза у Розы. – Это близко.

– Тогда ждем, когда будут возвращаться из города моряки. Дочка, ты подойди к ним и попроси перевезти тебя. Вот деньги. Должно хватить.

Услышав русскую речь, Роза несмело подошла к двум матросам и молодому человеку – по одежде чином старше. Последнего и окликнула:

– Господин капитан...

– Вы меня? – удивился он, оглянувшись.

– Да, да! – волнуясь, проговорила она. – Можно с вами поговорить?

Он отошел от матросов, те остановились неподалеку, с любопытством поглядывая на девушку, так хорошо говорившую по-русски.

– Что вам угодно? – подошел он к ней. – Только я не капитан, а мичман.

– Господин мичман... мне надо попасть домой... в Россию... Не могли бы вы мне помочь? Я заплачу...

– Ну, а в чем проблема? Возьмите билет...

– У меня нет документов, – перебила Роза, еще больше разволновавшись.

– А где они? – поднял брови тот.

– Я... у меня их забрали... пожалуйста, помогите... Я заплачу, только перевезите меня на тот берег... домой...

– Девушка, я не могу этого сделать, – холодно сказал мичман.

Это был внешне очень симпатичный молодой человек, но, видимо, ни разу не хлебнувший отчаяния, унижения, стыда и страха. У него все получалось в жизни, оттого черствость по отношению к девушке без документов в чужой стране он посчитал буквой закона, которой должно следовать.

– Я умоляю вас... поговорите с капитаном. Может, он согласится? Я подданная России, поверьте. Мне же надо как-

то вернуться домой, ведь всякое случается...

– Ну, а как случилось, что подданная России очутилась в Турции без документов? Я ничем не могу вам помочь, извините.

Не желая больше разговаривать, он вернулся к матросам. Роза услышала:

– Чего она хотела? Это проститутка?

– Она хочет в Россию. Выйдут замуж за турков, а потом не знают, как сбежать от них. Идемте, мы и так задержались.

Они говорили о ней, удаляясь, но Роза больше ничего не расслышала. У нее шумело в голове, как перед потерей сознания, едва переставляя ноги, вернулась к Мустафе.

– Тебя берут? – спросил он. – Почему ты молчишь?

– Отказал... – и Роза дала волю слезам.

– Не плачь, дочка. Это не так просто, как тебе кажется.

– Он же русский, русский... Отказал...

– Пойдем, пойдем, – увлекал Розу за собой Мустафа, так как на них обращали внимание. – Что-нибудь придумаем.

В номере Роза упала на кровать и произнесла:

– Мне не выбраться. И вас подведу. Езжайте в Анкару, отец, а я уж сама... Вы и так сделали для меня слишком много. Мне никогда вас не отблагодарить.

В тот момент ее посетили мысли о самоубийстве. Это выход, единственный... Но Мустафа обнадежил:

– Дождись завтра, дочка. Я поговорю с докером. Контрабанду возят, неужели человека не перевезут? Надо подо-

ждать до завтра. Спи.

Роза решила: если завтра ничего не получится, уйдет потихоньку от Мустафы, а там... маленькая оттяжка поможет подготовиться. Словно почуяв ее настроение, Мустафа полночи расспрашивал о ней, родителях, стране. Роза разговорилась, рассказала все про себя и свою подругу. Ее вдруг прорвало, говорила и говорила, пока не услышала храп. И Роза утомилась, постепенно заснула с мыслями, что не имеет больше права подвергать риску хорошего человека.

Мустафа вернулся с радостной вестью: Розу берут на борт небольшого судна, которое следует в Сочи, попутно зайдет в турецкий порт на Черном море, а остановку сделает... в ее родном городе, забросят товар. Но не все так гладко. Согласились перевезти через море, а вот перед таможенным досмотром Розе придется добираться вплавь. В России таможенники дотошные, заглядывают во все уголки. Если ее подберут пограничники, скажет, что в лодке каталась, далеко уплыли, а за время дороги Роза должна сама придумать историю, почему оказалась в открытом море одна.

– Ты согласна? Тебе дадут спасательный пояс...

– Да! Да! Да! – только и бормотала она, не веря в свое счастье.

– Роза, вода у берегов России холодная, – предупредил он. – Ты можешь замерзнуть и не доплыть.

– Я доплыву, отец, я доплыву.

– Прости, другого варианта нет.

– Я доплыву. Я доплыву.

Ночью... как странно, Роза уже забыла, как выглядит солнечный день. Глубокой ночью отправились в порт. В условленном месте их ждал докер, провел известными только ему путями к посудине, на которой Розе предстояло плыть. Светила луна, большая и яркая, поблескивали звезды – в этом краю они горячие, казалось, от них дополнительно идет на землю тепло. В затемненном месте среди груд металла Роза прощалась с Мустафой:

– Отец... я не знаю, как вас благодарить... Вы спасли меня. Знайте, я всю жизнь... всю жизнь буду молиться о вас и вашей семье. Я никогда не забуду вас. Мой отец погиб, когда мне было два года. Я его совсем не помню. Сейчас я думаю, что мой отец вернулся ко мне. Благословите меня.

Она стала на колени. Он положил руку ей на голову:

– Храни тебя Аллах. Я рад, что все обошлось. Прощай.

В порыве благодарности Роза поцеловала его руки и побежала к посудине. Душили слезы. Это были слезы счастья и боли, но сладкой боли. Это были слезы прощания, когда понимаешь, что никогда больше не увидишь человека, спасшего тебя. Мустафа спас ей жизнь, не рассчитывая на благодарность, рискуя собственным положением, заплатив деньги, которые Роза не вернет. Ее поместили в трюм, где лежали тюки. На рассвете посудина отчалила.

Сколько времени плыли, Роза не знала. Она вообще тогда плохо ориентировалась во времени, час иногда казался

сутками, а сутки месяцем. Судно было не российское, турецкое; зная горячий характер мужчин, она не выходила на палубу, дабы не провоцировать их. Ей приносили еду, и Роза все съедала, так как понимала: понадобятся силы, много сил и выносливости. Каждая секунда приближала ее к родному берегу, где никто не посмеет сделать из нее грязную тряпку. Но какие же они длинные – секунды.

Только не давали покоя слова Мустафы: почему задались целью ее вернуть, зачем заготовили документы о браке? Роза думала и думала, однажды ее осенило: НИ ОДНА ДЕВУШКА НЕ ДОЛЖНА ВЕРНУТЬСЯ ДОМОЙ! Их увезли обманом, а те, кто продал их, находятся в России. Им сообщат, что Роза пропала, и тогда... тогда они будут ее искать, они не допустят, чтобы она стала свидетельницей. Где станут искать? Дома! Радость и счастье померкли. Теперь предстояло с осторожностью ступить на российский берег и таиться. Желанная Россия уже не чудилась безопасным местом. Роза плыла в неизвестность, возможно, в лапы негодяев, которые не лучше содержателей притона в Турции, а много хуже. Возможно, они уже ждали ее там.

Однажды, когда посудину довольно сильно кидало, к ней пришел матрос.

– Идем, – сказал он по-английски. – Тебе пора.

Снова страх обуял Розу: сейчас она очутится одна в море, совсем одна. Девушка поднялась на палубу. Ночь дохнула прохладой, нет, холодом. Море штормило, волны бились о

посудину с яростью. На палубе было несколько человек, они пришли поглазеть на сумасшедшую, вздумавшую вплавь добираться до берега. Мужчины были одеты в непромокаемые куртки, вязаные шапочки и ежились от ветра. А Роза поначалу даже не почувствовала холода, страх просто-напросто обдавал жаром все тело. Капитан посудины сказал по-русски:

– Шторм мало. Тебе помощь. Держи пояс. С ним не будешь утонуть.

Роза сняла черный балахон, который дал Мустафа, под ним была ее одежда – брюки и кофточка. Пояс помогли надеть, закрепили. Роза взялась за холодное железо борта и глянула вниз. Ветер. Брызги. Бездна. «Шторм мало»? Да нет, волны большие.

– Эй, девчонка, – крикнул кто-то по-английски. – Ты правда прыгнешь?

– Куда плыть? – спросила девушка капитана, чувствуя, как тело покрылось мурашками. Но это от страха, обыкновенного страха.

– Вон там маяк. На него держи курс.

Роза увидела мелькание маяка. О, как это далеко, как далеко! И холодно. И звезды холодные в черном небе. А внизу бурлящая бездна, готовая с радостью поглотить Розу. Выдержит? «Я выдержу, я доплыву»! – упрямо повторила про себя Роза. Она перелезла через борт, оглянулась, не решаясь прыгнуть:

– Какой сейчас месяц и число?

– Пятый май, – сказал капитан и протянул плоскую бутылку. – Выпей, некоторое время тепло станет. Пливи быстро, не становись.

Роза отхлебнула несколько глотков крепкого напитка, вернула бутылку, набрала воздуха и... прыгнула вниз. Погрузившись под воду, едва не вскрикнула там – соленая вода была очень холодной. Вынырнув, поплыла, разгребая воду руками. До ушей долетало на английском и русском:

– Удачи тебе! Она сумасшедшая! Нет, она смелая...

Но Роза не вслушивалась в слова мужчин на судне, понимала лишь одно: грести руками, во что бы то ни стало грести, грести быстро! И все-таки это май, а не январь. Вода только в первый момент показалась ледяной, потом Роза привыкла и не ощущала холода. Ей даже понравилось барахтаться среди волн, ощущать вкус соленой воды и свободы. Какое это прекрасное чувство – освобождение! Теперь ей казалось – что тут плыть! Вон огни города, маяк. Совсем близко. Но это было обманчивое ощущение. Вскоре в кожу вонзились мелкие ледяные иголки, постепенно ввинчивались глубже в тело...

А на судне выкрикивали прощальные слова. Моряки были потрясены мужеством слабой девушки, но они не знали, через что прошла Роза, откуда взялось мужество. Роза постепенно приближалась к берегу. Переворачивалась на спину, когда уставали руки, и работала ногами, потом поворачивалась на живот и гребла руками, не разрешая себе долгий и

пассивный отдых.

Волны накрывали с головой, играя с глупой девчонкой в опасную игру: жить – умереть. Тело требовало отдыха, но Роза знала: остановка – значит смерть. Смерть от холода, холода начала мая. Легкие разрывались от нехватки воздуха, тогда девушка приостанавливалась на секунду и представляла себе жаркий день. Думала о том, что вода в мае должна быть не ниже пятнадцати градусов, а то и выше. Но, чувствуя, как тело немеет и ломит в суставах, рвалась вперед. Только вперед. И надо шевелить всеми частями тела. Вперед, вперед – к берегу!

Ее не засекали пограничники – это был хороший знак. До ушей уже доносилось шуршание листвы от ветра, с шумом разбивались волны о камни. Роза поняла: до финиша рукой подать. Но берег оказался неприступным, а самыми тяжелыми стали последние метры. Волны неистово били по телу, отбрасывая от берега, море не хотело отпускать добычу. Роза боролась с откатом волн, взмахивая руками из последних сил. Ну вот же он, берег... а до него не добраться. Еще совсем немного. Неожиданно ноги коснулись камешков... Это было дно! А сил не было. Обратное течение обхватило ноги и потянуло назад. Роза сдавалась, сдавалась в трех метрах от берега. Тогда она закричала, закричала с отчаянием человека, боровшегося до конца. И погрузилась под воду. Тут же ступни опустились на камни! Но в легких не было воздуха. Последняя попытка... Роза пошла под водой, упираясь ступ-

нями в камни, преодолевая силу обратного течения.

Неожиданно море подтолкнуло Розу: ладно, иди. И голова очутилась над поверхностью. Роза судорожно вдохнула, и сразу же волна накрыла ее с головой. Но девушка уже твердо стояла на ногах. Роза падала, выбираясь; увлекаемая течением, возвращалась в водную пучину. А рухнув на берег, вцеплялась руками в камни. Наконец волны с ненавистью ударили Розу в последний раз. Девушка дала себе немного времени отдышаться. Она устала, ей хотелось спать. Нельзя – тормозил кто-то внутри. Роза заставила себя встать.

Течение отнесло ее от города. Роза пошла вдоль берега, не ощущая мышц, ни о чем не думая. Она просто переставляла ноги. Иногда отключалось сознание, а ноги шли и шли... Когда попала в дом и увидела маму, в глазах потемнело, а потом все пропало...

Стрелки подбирались к трем часам. Роза перевернулась на бок и посмотрела на приготовленные вещи, стоявшие в комнате мамы у стены. Завтра рано утром она и мама оденутся, Роза перевяжет щеку, будто зуб болит, и пойдут на автостанцию. С завтрашнего дня начнется новая жизнь, а то никак не удастся покончить со старой. Роза надеялась, что, как только уедет из города, Турция и прочее останутся позади, а она все-все забудет. Кроме Мустафы, который дал шанс выжить. Роза уснула, прошептав напоследок:

– Аллах, Иисус Христос и все боги, какие есть, храните

Мустафу... и не забудьте о вашей Розе...

Руслан женился, потому что будущая жена забеременела. Ему не угрожали ее родители, дескать, не женишься – мы тебе!.. Он сам так решил. Не любил ее, она просто нравилась, как нравились многие, но поскольку забеременела именно она, пришлось на ней и жениться. А кого еще ждать и чего? Думал, ребенок сгладит все углы. Сыну десять лет, и он лучшее, что у Руслана есть, а углы не сгладил. Жена часто его попрекала, что хозяйство на ней. Собственный дом требует мужских рук, которые в состоянии освоить множество профессий – каменщика, плотника, электрика, кровельщика. Вместо этого муж убегал на работу и сутками торчал там. Но как ей объяснить, что Руслан, кроме сына, никого и ничего не любил в доме? Одно время она думала, что у него есть любовница, выслеживала. И кого выслеживала – сыщика! Он застукал ее за этим гнусным занятием, тогда первый раз чуть не ушел. Были слезы, мольбы, просьбы простить. Остался из-за сына, но отношения с женой теплее не стали. Впоследствии, стоило ей начать нудную песнь о семейном очаге, Руслан без лишних слов смывался на работу. Конечно, он обустривает дом, но делает это без рвения и лишь тогда, когда деться было некуда, например, в отгульные дни, в отпуске. Наверное, жена любила его, раз терпела угрюмый нрав мужа, только это ничего не меняло. Впрочем, Руслан

привык так жить и не собирався ничего менять, что это даст?

Когда утром в очередной раз начались песнопения о том, что соседи делают пристройку, а их пристройка давно нуждается в ремонте, но ремонтом она одна заниматься не может, Руслан встал из-за стола и поехал на работу раньше времени. Там он чувствует себя как дома, а дома – как на нелюбимой работе. Кстати, ему всегда нравилось появляться на работе раньше времени, нравились пустые коридоры, гулкой звук собственных шагов и потрясающее ощущение свободы в это время суток, когда ты сам себе хозяин. В кабинете открыл окно, вдохнул с наслаждением влажный морской воздух и выкурил сигарету, сидя на подоконнике. В коридорах все чаще раздавались голоса, наступала повседневная суэта. Вдруг как вихрь влетел Всеволод:

– Руслан, убийство! Только что позвонили. И шеф требует тебя срочно к себе.

– Так что более срочное – убийство или зайти к шефу? – проворчал он, неторопливо проверяя карманы.

– Шеф сказал, чтоб перед выездом ты зашел к нему, – отрапортовал Сева, выскакивая из кабинета. – Я буду ждать в машине.

Руслан закрыл на ключ кабинет и направился к шефу. Тот сразу огорошил его просьбой, вернее, приказом, высказанным в форме просьбы:

– Руслан, я знаю твое отношение, но возьми на выезд Дианочку.

– Ах ты боже мой, как сладко у нас называют некоторых сотрудников, – вырвалось у Руслана. – Извините, не возьму.

– Руслан! – рывкнул тот, но тут же поменял тон: – Она на должности оперативника. Что же мне прикажешь с ней делать?

– Посадите в кабинет, пусть бумажки перебирает, ногти красит. Дел полно.

– Она не хочет. – И вид начальника при этом стал жалкий.

– Она – что?! – офонарел Руслан.

– Понимаешь, ее папа просил, чтобы Дианочка участвовала в делах только с опытными операми...

– Зампрокурора еще не прокурор! – процедил озверевший Руслан. – Его просьбы не обязательно выполнять.

– Так он метит в прокуроры, – привел весомый аргумент начальник. – У старого срок кончается, поговаривают, что назначат папу Дианочки. Ну, зачем нам трения с прокуратурой, сам подумай?

– Вы начальник, вы и думайте, а мне бабье не нужно, – отрубил Руслан.

– Да погоди ты! – шикнул шеф и перешел на шепот: – Чего ты взбеленился? Он сам не в восторге от ее капризов. Возьми девочку, она, как увидит труп, в обморок грохнется. Ты напишешь докладную, мол, несоответствие... и так далее. Пара таких случаев, и переведем девочку... куда-нибудь. А? Ну, войди и в мое положение...

У Руслана только желваки на скулах ходили и глаза кро-

вью налились. В таком состоянии его редко кто видел. Начальник хорош, на Руслана переложил проблемы: пиши кляузы, наживай врагов. Дабы упредить возражения, начальник сказал:

– Иди, Руслан, тебя ждут.

Тот выскочил в ярости, а у кабинета его ждала Дочка, на-верняка слышавшая все до слова. Он подошел к ней, смерил девушку с головы до ног взглядом, от которого она должна была умереть на месте, но почему-то не умерла. Впрочем, Дочка была выше Руслана на голову, пока до нее дойдет фактор страха, много воды утечет.

– Доброе утро, Руслан Шалвович, – приветливо улыбнулась Диана. – Вы разрешите поехать с вами?

– Чтоб в короткой юбке я видел тебя последний раз, – на-шел к чему придраться он и сквозь зубы бросил: – Иди в ма-шину.

Зато Всеволод распушил перья:

– О! Фрося! Вы, никак, с нами?

Она запрыгнула в машину, поздоровалась, не выделяя ни-кого, а Руслан гаркнул:

– Шуры-муры в нерабочее время! – И плюхнулся рядом с Севой.

– Ты чего такой злой с утра? – удивился Всеволод, затем, посмотрев на юную особу, догадался: – А, понял! Не повезло ей.

Приехали в западный район частного сектора, в переулке

у низкого дощатого забора стояла толпа. Руслан выскочил из машины первым, толпа расступилась. Подойдя к забору, сразу же увидел: дверь дома открыта, половина корпуса женщины, лежавшей ничком, находилась на крыльце, остальная часть в доме. Руслан вошел в небольшой дворик, за ним подтягивались остальные – пара оперов, Диана, эксперт и Сева. Окружили крыльцо. Признаков жизни никаких, только седые волосы слегка теребил ветерок. Вот они-то и жили в отличие от хозяйки. Пока щелкал фотоаппарат, Руслан рассматривал труп.

Женщина лежала, поджав под себя руки. В области груди на крыльце растеклось пятно крови, но ее было немного. Вытянув шею и заглянув внутрь, он рассмотрел темные пятна на полу. Без сомнений – кровь. Одета женщина в ночную сорочку, значит, готовилась ко сну или спала... Руслану не терпелось проникнуть в дом, но он предоставил возможность эксперту Яловому исследовать труп. У старого стола во дворе пристроился еще один из группы, писал протокол с места происшествия. Криминалист диктовал, кто, где и как лежит, а это, по мнению Руслана, уже не самое главное. Его интересовало, отчего умерла женщина и в котором часу. Он обернулся к толпе:

– Кто ее заметил?

Вперед выступил мужчина лет пятидесяти, взялся за колышки забора и заговорил:

– Ну, я. Мы по соседству живем, – указал на дом рядом. –

Со своего двора и заметил ее. Не сразу. Мы тут толклись, а сюда не заглядывали. Я на работу собрался, да забыл сигареты. Крикнул жене, чтоб принесла, а то возвращаться – примета плохая. Стоял, ждал, когда жена принесет сигареты, ну и по сторонам глядел. Вдруг вижу – лежит. Я к ней...

– Вы подходили близко?

– Конечно, – ответил сосед. – Только на крыльцо не заходил, я ж знаю, что нельзя. Когда подошел, она уже мертвая была. Под ней там кровь. Сразу понял: убили. Ну, я и сбегал, вам позвонил.

– Это еще неизвестно: убили ее или она сама себя жизни лишила, – сказал Руслан.

На данный момент вопросов достаточно. Руслан достал сигарету, закурил, к нему присоединился Сева. Диана, к глубочайшему сожалению, не упала в обморок, а присела на корточки у крыльца и внимательно следила за работой Ялового, о чем-то спрашивала.

– Вот зараза, – произнес тихо Руслан.

– Ты про что? – спросил так же тихо Сева, проследил за взглядом Руслана и снова догадался: – А, про Дочку? Не брал бы ее.

– Попробуй не возьми. Шеф навязал. Говорил, в обморок упадет при виде трупа.

– Дочка? – с сомнением произнес Сева, взглянул на нее и уверенно заявил: – Не-а, не упадет.

– Сам вижу, – хмуро выдавил Руслан. – А юбку напялила

– смотреть противно.

– Ну, ты несправедливый, – не согласился Сева. – Ноги у нее атасные. И сама ничего. С каких пор ты стал консерватором?

– Я всегда такой был.

– Ребята, – окликнул их Яловой, – помогите перевернуть.

– Диана, помогай, – приказал Руслан девушке, надеясь, что та откажется.

Ничуть не бывало! Она спокойно, даже не покривившись, взошла на крылечко, но ей на помощь подоспел Сева:

– Женщине нельзя тяжести поднимать.

Диана только фыркнула и взяла труп за ноги, а Руслан не преминул сказать:

– У нас нет женщин. У нас одни оперативники.

Диана помалкивала, но когда перевернули тело, она первая заметила:

– У нее бумага в руке.

В крепко сжатом кулаке, действительно, был зажат клочок бумаги, намокшей от крови. Яловой попробовал разжать, не получилось.

– При вскрытии придется доставать, сейчас боюсь, бумага разлезется, – сказал он. – Набрякла от крови. Пальцы, видимо, свело судорогой в момент смерти. Так. Что мы имеем? В области сердца колотая рана, ткань ночной сорочки пробита... Вероятно, смерть наступила от потери крови в результате ранения...

– Нам можно пройти? – нетерпеливо спросил Руслан.

– Проходите, мне еще долго возиться, – уступил дорогу Яловой.

– За мной, – бросил через плечо Руслан. – Только след в след, на полу пятна крови. Ни за что не братья! Руками не касаться!

Последние фразы он адресовал Диане. Оперативники гуськом потянулись за Русланом, пришлось переступить через труп, что не смутило девушку. Она, как и все, осторожно перешагнула через женщину, прошла маленькую прихожую, вошла в комнату.

Первая комната представляла собой кухню, из нее вела дверь в следующую комнату, узкую и заставленную мебелью. Здесь, очевидно, хозяйка оставляла на ночь гостей или сдавала комнату отдыхающим, так как большую часть площади занимали две кровати, которые давно пора сдать в утиль. Из кухни дверь влево вела в гостиную, здесь уже были и мебель дорогая, и техника хорошая, идеальный порядок, кроме... На диване смятая в беспорядке постель. Много крови. Чемодан и две большие сумки стояли у стены, третья сумка-баул валялась на полу, носильные вещи разбросаны как попало. Из гостиной вела дверь в четвертую комнату.

– Она, наверное, собралась уезжать, – предположил Сева, указав на сумки и чемодан.

– Вижу, вижу, – пробормотал Руслан, подходя к постели. – Тогда нам надо искать паспорт, билет. Где женщины хранят

документы? В сумочке? И где же сумочка?

Диана, осторожно переступая через разбросанные вещи, прошла в четвертую комнату, пока мужчины искали сумку погибшей.

– Руслан Шалвович, идите сюда, – позвала она.

Тот поспешил в четвертую комнату. Он работал давно, на-смотрелся всякого, но подобные зрелища вызывали даже у него возбуждение нервного характера. Нет, к этому нельзя привыкнуть. Он скрипнул зубами, потер подбородок рукой, достал сигарету, мял ее, не прикуривая. Через плечо Руслана в комнату заглянул Сева и присвистнул:

– Мы здесь надолго.

На широком диване лежала молоденькая девушка. Ночная сорочка сбилась к груди, полностью обнажив нижнюю часть тела. Одеяло валялось на полу, там же лежала подушка. Постель была безобразно смята, значит, девушка боролась. Крови не было. Рот приоткрыт. Тут уж и дураку ясно: двойное убийство.

6

Яловой исследовал второй труп, а у Руслана теперь возникли вопросы к соседям:

– Кто ваша соседка? Где работает?

– Наша соседка в рейсе, на судне коком работает, – отвечал за всех мужчина, обнаруживший труп на крыльце. – А это Фаина. Она присматривает за домом, когда соседка уходит в рейс, мы часто с ней видимся... виделись.

– А кто эта девушка, которую мы нашли в доме?

– Девушка? – переспросил все тот же сосед. – Не знаю. Я не видел здесь девушки. Фаина часто приходила, последнее время вообще жила тут.

– А как давно она переселилась сюда?

– Ну... где-то с месяц... может, меньше...

– И вы ни разу не видели девушку примерно восемнадцати – двадцати лет?

– Ни разу, – уверенно заявил мужчина. – Только когда выходил ночью, видел, что все время горит свет в комнате. Спрашивал Фаину, чего зря электричество жжешь? А она говорила: я, мол, одна в доме и боюсь, со светом не так страшно.

Соседи тоже подтвердили, что девушку здесь никогда не видели.

– Как фамилия Фаины? – продолжил опрос Руслан.

– Да мы не знаем. Фаина и Фаина.

– А шум ночью слышали? Посторонних не замечали?

Ничего не слышали, ничего не видели. Люди рады были бы помочь, да нечем. Толпа растерянно переговаривалась, переминаясь с ноги на ногу.

– Руслан, – выбежал из дома Сева. – Дочка нашла документы, иди, посмотри.

Руслан вернулся во дворик, сел на табурет. Сева поставил коричневую и потрепанную сумку на стол, протянул паспорт. Ибрагимова Фаина Султановна. Сорок девять лет. Выписана с места жительства. Второй паспорт на имя Ибрагимовой Розы...

– Все понятно? – спросил Сева.

– Куда уж понятней, – пробубнил тот. – Значит, она собралась уехать с дочерью... Чемодан, сумки, выписаны... а дом? Тогда она продала дом, так? Ну-ка, что там еще?

Он достал из сумки потрепанное портмоне с деньгами. Две тысячи рублей и мелочь. Там же два билета до Ростова-на-Дону на автобус, число сегодняшнее. Фотографии в полиэтиленовом пакете. Диплом об образовании Фаины, трудовая книжка, страховой полис, еще несколько бумаг. Далее нашел свидетельство о рождении дочери, свидетельство об окончании школы. Записная книжка...

– Вот... – проговорил Руслан, раскрывая записную книжку, в середине которой покоились разного рода бумаги и квитанции. Он развернул сложенный вчетверо лист, из него вы-

пали еще несколько документов и расписка. – А вот и дом. Она продала его. Ищите деньги.

Сева рванул в дом, прошло с полчаса.

– Руслан Шалвович, – вышла из дома Диана, – денег в чемодане и сумках нет. Я так думаю, что они лежали в бауле. Вещи разбросаны наверняка из него. Наверное, преступник принялся искать деньги, вырученные за продажу дома, взял первую попавшуюся сумку, выбросил вещи, а на дне нашел деньги. Если б они лежали сверху, ему не надо было бы вынимать вещи.

– Ну, какие будут выводы? – уставился он на Диану.

– А какие еще могут быть выводы? – удивленно вскинула она брови. – Их убили из-за денег. Те, кто купил дом, вряд ли это сделают, значит...

– ... убил тот, кто знал о полученных деньгах, – закончил Сева. – Помнишь, соседка Ибрагимовых говорила, что Фаина доверила агентству вести дела по продаже дома?

– Ну, помню, – проговорил Руслан, некоторое время думал, ни на кого не глядя, после чего поделился мыслями с Севой: – Меня еще одно интересует. Почему Фаина прятала Розу? Ведь прятала, это факт. Они жили здесь приблизительно три недели, а девушку никто не видел. В доме Фаины их тоже не было. Странно, очень странно. Девушка не иголка. Но раз ее никто из соседей не видел, значит, она не выходила. Вообще не выходила. Отсюда вывод: пряталась. От кого?

– Ты думаешь, убийство связано с тем, что она вернулась из Турции? – предположил Сева. – А бабки прихватили, имитируя ограбление?

– Деньги прихватили, потому что это деньги, – пробормотал Руслан, листая записную книжку и внимательно читая записи. – Роза вернулась из Турции, однажды ее видели, и тоже недели три назад. Она убежала от знакомого парня, не разговаривая с ним. Потом Фаина продала дом, купила билеты... Без сомнения, пряталась. Да не спряталась.

На носилках вынесли Розу, накрытую простыней. Следом вышел Яловой, подошел к троице у стола:

– Девушка задушена. В уголке губ пятнышко крови, а в глазных яблоках лопнули сосудики. Предполагаю, ее душили подушкой. Вскрытие, конечно, покажет... Да, Руслан, убийц было как минимум двое.

– Двое? – поднял на него глаза Руслан. – Почему так думаешь?

– Потому что одному убить без шума двух лежавших в разных комнатах женщин практически невозможно, если только не спецназовец здесь орудовал. Дверной замок открывал профессионал, но, скорее, профессиональный преступник. Спецназовец убил бы наповал, ему для этого не нужен ни нож, ни подушка. А эти допустили промашку, мать не завалили одним ударом, но, по всей вероятности, подумали, что убили ее. Она выползла из дома уже после ухода убийц, насколько я могу судить. Смотри, проникли они сюда но-

чью в начале четвертого утра. Замок открыли отмычками, а крючок на двери поддели плоским предметом. Перед этим выстрогали щель – имеются характерные и свежие надрезы, чтобы просунуть тот же нож. Вряд ли знали расположение комнат, шли наобум. Мать спала в гостиной, в смежной комнате горел ночник, дверь была открыта. Наверняка сначала на мать напали. Девушка, возможно, услышала шум. Думаю, один убивал мать, а второй принялся за девушку. Еще необходимо было время найти деньги. Кстати, девушка была изнасилована.

– Уроды, – сплюнул Руслан.

– Мы взяли на экспертизу простыню и вот что нашли под ней.

Эксперт протянул лист бумаги.

– Латинские буквы... – вздохнул Руслан и опустил лист на колени.

– Можно мне? – Диана протянула руку к листу.

– Мы что же, по-турецки знаем? – с недоверием и скептически спросил Руслан.

– Нет, по-турецки мы не знаем, – ответила Диана. – А с английским неплохо знакомы, сейчас всякий нормальный человек должен знать хотя бы один иностранный язык. Там, простите, написано по-английски. Можно? (Руслан нехотя отдал ей лист.) Первая фраза переводится так: «Ищи и найдешь». Далее слово «Анкара». Анкара – столица Турции. Второе... Varinak. Я такого слова не знаю – «Баринак». Мне

кажется, это восточное слово, а написано латинскими буквами. А вот дальше от «Баринак» идет тире и имя... женское... Лола! Потом строчка ниже: «Мустафа», тоже латинскими буквами. Напротив *uch* с точкой, думаю, это сокращенное слово, не знаю, что оно обозначает. Потом число 11. Затем знак номера. И снова цифры: 29. Последнее слово... све... тля... чок. Написано латинскими буквами, но получается русское слово «светлячок». И по-английски: «Прости нас и прощай». Все. Интересно, кому это предназначалось? А что связывает Ибрагимовых с Анкарой? Они турчанки?

– Спасибо за перевод, – буркнул Руслан, забирая лист, а Севе протянул записную книжку. – Вот телефон агентства. Позвони в справочную, узнай адрес.

Сева незамедлительно направился к милицейской машине.

Молодой человек в агентстве был потрясен, даже побледнел:

– Не может быть. Мы же вчера завершили сделку... Она получила деньги при мне... Нет, это... невозможно.

– Мы бы хотели знать, кому продала дом Фаина Султановна. Это первое. Какую сумму получила? Кто еще знал, что она продает дом? – забросал его вопросами Руслан.

– Совсем немного людей интересовались этим домом, – волнуясь, отвечал агент. – Он ведь старый, на окраине. Она выставила его на продажу три недели назад...

– Три недели, – повторил задумчиво Руслан. – Месяц... три недели.

– Да, три недели назад, – подтвердил агент, заметно волнуясь. – Ну, и так получилось, что поначалу вообще не было желающих, а неделю назад сразу двое решили посмотреть. Я возил их в дом, мне Ибрагимова дала ключ. Первые покупатели отказались, а вторые купили. За пятнадцать тысяч долларов. Сумму выплатили частично в рублях, частично в валюте. Скажу по секрету, сумму у нотариуса заявили не всю... Ну, сами понимаете, люди всегда стараются сэкономить на налогах... Я уговаривал куплю-продажу оформить сразу в юстиции, это выгодней, к тому же все равно юстиции не миновать. Но обе стороны настояли на нотариусе – люди

неохотно доверяют нововведениям. При мне все до копейки покупатели отдали Фаине Султановне. У меня есть телефон и адрес новых хозяев, если надо.

– Да, конечно, – рассеянно кивнул Руслан. – Диана, запиши телефончик и адресок. Если учесть, что Ибрагимова пряталась от неизвестных, следовательно, не трезвонила о продаже дома. Но убийцы как-то узнали, что она продала...

– Как вы сказали? – восторженно воскликнул агент, покрывшись пятнами. – Узнали, что она продала дом? Как-то узнали, да?

– Ну да, – вздохнул Руслан. – Денег мы не нашли. Значит, Ибрагимову и ее дочь убили с целью ограбления.

– Может, о продаже дома у нас узнали? – конфузливо спросил агент и потупился.

– У вас есть основания так думать? – подхватил Руслан.

– Позавчера к нам заходил один... – припоминая клиента, начал агент. – Он хотел купить этот дом. Очень настаивал, накинул сумму в пять тысяч долларов! Просил помочь расторгнуть предыдущую сделку. Не получилось.

– Почему же Фаина Султановна не продала ему? – задал вопрос Сева.

– Понимаете, он не явился, – ответил агент. – Хотя и обещал... просил меня уговорить Фаину Султановну продать дом ему, а сам не явился.

– Сколько накинул? Пять штук? – поразился Руслан. – За хату?

– Я сам удивился не меньше вашего. Он сказал, что по-

купает место, его оно устраивало, потому что за домом есть свободная земля. И задаток, сказал, вернет в двойном размере. Так положено: если сделка расстроилась по вине продавца, задаток возвращается в двойном размере. Но вчера утром в назначенный час он не пришел. Ибрагимова отказалась его ждать, знаете ли, она вообще не хотела менять покупателя, несмотря на крупную дополнительную сумму.

– Вы его запомнили? – живо перебил Руслан, так как смекнул, что этот человек интересовался домом неспроста. – Как он выглядел?

– Ну, в общем-то, запомнил. Он колоритный, здоровяк. Ростом... так, у меня сто семьдесят пять... где-то метр восемьдесят. И такой мордастый, откормленный, наглый. А главное – цвет лица. Он неестественно красный. Как вареный рак.

– Значит, этот человек знал, во сколько должна состояться сделка, – считал Руслан. – Знал, сколько выручит Фаина за продажу дома. Фоторобот поможет составить?

– Попробую, хотя не гарантирую, что получится. А знаете, меня кое-что удивило в разговоре с ним...

– И что же? – нетерпеливо произнес Руслан.

– Я не говорил ему, кто продает, мужчина или женщина. А он в конце нашего разговора спросил: «Когда тетка придет?»

– Может, он знал, кто продает? Ездил к дому? – предположил Сева.

– Тогда зачем потребовал список домов на окраине? – возразил агент. – Сказал бы сразу: мне нужен такой-то дом, я знаю, что он продается. Этот человек долго изучал список. И в то же время спросил, когда прибудет тетка. Этого мало. У нас ведь нет фотографий недвижимости, мы клиентов возим на смотрины. Я не рассказывал, что дом самый последний, но он знал, что за домом есть свободная земля, собирался и ее выкупить. Странно?

– Да уж странно, – согласился Руслан. – А ну-ка, срочно поехали на фоторобот.

– Послушай, – вдруг подпрыгнул Сева. – Помнишь, у соседки Ибрагимовой интересовались Розой двое неизвестных? И не один раз!

– Точно, – согласился Руслан. – Бери мою машину и дуй за ней. В нашем деле главное скорость.

– Диана, за мной! – сорвался с места Сева.

Соседка Ибрагимовых запомнила одного из мужчин, которые интересовались Розой, однако в общих чертах. Времени прошло много, она не была уверена, что поможет воссоздать портреты, но поехать с Севой не отказалась. А вот у агента воспоминания были свежие и наблюдательность неплохая. Смастерили фоторобот. Агент по недвижимости и соседка утверждали, что очень похож. Только оба свидетеля отметили: в мужчине, помимо красного цвета кожи, было еще нечто неуловимое, пугающее. Этой черты как раз и не хватало, чтобы портрет полностью совпал с оригиналом.

Второй мужчина вообще не получился, соседка его не запомнила. Не помог и агент. Краснорожий заходил в агентство один, а люди с кавказской внешностью интересуются недвижимостью почти каждый день, кто из них нужный – поди догадайся.

Вечерело, когда оперативники освободились и вышли на воздух. Руслан, Сева и Диана остановились в нерешительности. Сева думал-думал и сказал:

– Чего-то я не понял. Зачем этот краснорожий мужик поперся в агентство? Он что, думал, мы не догадаемся заглянуть туда?

– Потому что голубок залетный, – зло процедил Руслан. – И голубок давно упорхнул из города. Водки хочу. Едем, Сева, за зельем.

– Можно мне с вами? – робко подала голосок Диана.

От такой наглости Руслан несколько потерялся, однако уточнил:

– Водку с нами пить?

– Ну да, – не смутилась она.

– Женский алкоголизм неизлечим, – назидательно сказал

Руслан.

– А я много не пью.

– Мы некультурно выражаемся, – предупредил он.

– Вы же будете и думать по поводу убийств, – просительно произнесла она. – Кстати, я все слова знаю. Руслан Шалвович, что я вам плохого сделала, что вы меня терпеть не

можете?

Обезоруживающий вопрос. Он не смог впрямую сказать, почему ее терпеть не может, ибо не было четких причин. Просто оперативник в юбке и на каблуках создает дискомфорт, когда волей-неволей приходится контролировать каждое слово. Но Дочка сегодня старательно выполняла свои обязанности и, если честно, заслужила похвалу, которую не получит. Он сжалился:

– Ну, поехали.

На этот раз он лично отправился за «сэмом». Тем временем Диана доставала Севу:

– Почему у него такое отчество? Он же русский?

– Смесь кровей, – ответил тот. – Дедушка был грузин, женился на русской бабушке, а сына – отца Руслана – назвал грузинским именем. Только отец Руслана взял фамилию своей мамы, кажется, из-за репрессий. Я не очень в курсе, знаю только, что деда расстреляли при Сталине. Ну, а папа женился на русской маме, выходит, он русский.

– А у меня в роду одни кубанские казаки, – вздохнула Диана.

– Ну, у казаков тоже гремучая смесь в крови, – успокоил ее Сева. – А у меня то Курская губерния, то Смоленская. Если кто и затесался, так в далеком прошлом какой-нибудь товарищ из монголо-татар. И все.

Вернулся Руслан, поехали на каменистый бережок. На багажнике разложили еду, пластиковые стаканы, Диана приня-

лась с женской дотошностью сооружать бутерброды. Выпили. Молчали. Тишина. Только прибором чуть слышно перебирал камешки.

– Не идет у меня из головы Роза, – сказал Руслан, вяло пережевывая. – Двадцать лет. Кому она помешала? За что же ее убили? Да еще и мать зарезали!

– Но разве не понятно? – спросила Диана. – Пятнадцать тысяч баксами – большие деньги. Убивают и за меньшую сумму.

– Записка, – промолвил Руслан и достал сигарету. – Неспроста Роза написала записку, положила под простыню. Кому она предназначалась? Кто такие Мустафа и Лола? Что означает «светлячок»? И почему писала латинским шрифтом? Полагаю, в этом и есть причина убийств. А деньги... прихватили, чтоб имитировать ограбление. Вообще-то бабки никому еще не мешали. Но дело не в ограблении. Если бы я до сегодняшнего дня не знал о Розе ничего, я бы так и думал: убийство с целью ограбления. А девчонка пряталась...

– Я не понимаю, – извиняющимся тоном сказала Диана.

Руслан махнул рукой, дескать, не для куриных это мозгов, и отошел к воде. Он бросал камешки в море, а Сева тихонько вводил в курс дела Диану, рассказывая о Викторе Ивановиче, Насте, и как они впервые услышали фамилию Ибрагимовых.

Раздался телефонный звонок. Руслан достал мобильный,

это был Яловой:

– Убийц было точно двое, об этом чуть позже. Лист достали из кулака Фаины. Это записка хозяйке: «Я уехала. Кви-танции в серванте. Ф.». Но не это главное. На обратной стороне недописанное слово: «Такс». И все. Почему недописанное: буква «с» соединяется еще с какой-то буквой, но от последней буквы остался лишь штришок, дальше лист бумаги закончился. Это слово она писала, умирая, а записку не выпускала из руки, потому что хотела, чтоб на нее обратили внимание те, кто найдет их тела. Возможно, успела написать несколько слов, но она ведь тяжело ранена была – лезвие прошло у сердца. Фаина испытывала боль, истекала кровью, наверняка плохо видела, что пишет уже не на бумаге, а на ковре, то есть на полу. Оттиск букв подсказал, что писала на мягком покрытии, а не на столе. Это значит, мы остальную часть записки не прочтем.

– Твои предположения, что означает «такс»?

– Слов с таким корнем много, надо в словаре посмотреть. Я вот еще что вспомнил. У нас же есть похожий всяк. Нераскрытое убийство прошлого года. Не помнишь? Оно не в городе было, в поселке. Неужели не помнишь?

– Смутно, я им не занимался.

– Так вот убийство один к одному. Убили девушку двадцати двух лет, она тоже вернулась из Турции. Ездила туда работать в шоу. От нее долго не было вестей. Вернулась тайно, пряталась ото всех, а потом ее нашли дома задушенной.

Кроме нее, никто из родственников не пострадал. По счастью, отец и мать были в отъезде. Убийство зависло, так как следов не оставили, кроме спермы. Ты все же посмотри то дело. И еще очень схожие повреждения у девушек. Обе подвергались неоднократному насилию, в извращенной форме тоже. Уточняю: не в момент убийства, а задолго до этого. Патологоанатом пришел и тогда, и сегодня к такому выводу. И обеих изнасиловали двое в момент убийства. Сперма на простыне от разных мужчин. Обеих задушили подушкой. И последнее. У Розы гематома на голове, очевидно, получила серьезную травму, но давно. Пока.

Руслан отключал мобильник и пересказал сведения ребятам. Сева с Дианой принялись гадать, что означает недописанное слово. Такса? Таксофон? Такси? Таксомотор? Таксометр? А Руслан был занят другими мыслями. Исчерпав запас слов с корнем «такс», ребята замолчали, тогда он произнес тихо, будто самому себе:

– Значит, обе девушки вернулись из Турции. И обе были убиты одинаково.

– А в Турцию нас никто не командирует, – заверил Сева.

– Мда... – протянул Руслан. – Начальству все же надо доложить.

8

– Ну и что? – сказал утром шеф. – Убийство совершили у нас, а не в Турции. Здесь и будем искать.

– Роза писала намеками, – терпеливо произнес Руслан, поражаясь нежеланию шефа вникнуть в суть дела. – Она боялась, что записка попадет в чужие руки, что догадаются, кто писал. Есть нечто, связывающее Турцию и убийства у нас. По имеющимся сведениям предполагаю: когда обе девушки поехали работать, там что-то случилось, они вырвались, чудом вернулись на родину, где их ждала смерть. По-моему, это серьезно. Смахивает на торговлю людьми, тем более что слухи об этом давно ходят.

– Вот пусть прокуратура эти дела хоть в ФСБ передает, хоть в Интерпол, хоть совместно разгребают международные преступления. Это все их касается, а нас касается только то, что случилось на месте. Пожалуйста, ищи убийц, если тебя волнует это дело, но в Турции... смешно, честное слово. Это все, что я могу тебе предложить.

Руслан ушел от него пасмурный. Собственно, ожидать другого исхода было глупо, шеф прав тысячу раз. Но, в конце-то концов, можно же выяснить, кто из девушек уехал с шоу в прошлом году, отправить в Турцию их фотографии, включая сведения о Насте, одним словом, подать в розыск. Надо только пошевелиться, а начальник шевелиться не хо-

чет. В кабинете его ждал Сева:

– Ну что?

– От жилетки рукава! – буркнул он. – Все, остается один вариант: найти Берту Станиславовну и Якова Олеговича. На успех можно кинуть два процента против ста. Значит, ничего. Фоторобот есть, поищем рожу в картотеке. Опять два, ну, пять процентов против ста. Потому что сейчас много развелось сволочей, которые ни разу не залетали.

– Выходит, что у нас висяк.

– У меня, – Руслан подчеркнул «у меня» и указательный палец поднял вверх, – висяков еще не было. Надеюсь, не будет. Едем к Виктору Ивановичу, сообщим, что Роза и ее мать... а то мужика инфаркт долбанет. Он все равно узнает, лучше от нас. Только ты проверь, нет в коридоре этой... Дочки. С утра караулила. Вот привязалась!

– Между прочим, она пахала наравне с нами, – вступился за девушку Сева.

– Да пусть пашет сколько влезет, – миролюбиво сказал Руслан. – Но не со мной.

Виктор Иванович невероятно обрадовался, увидев их, засуетился, пригласил в дом. Из дальней комнаты послышался женский голос:

– Витя, кто там?

– Это ко мне, по делу, – крикнул он. – Идемте в комнату Настеньки, а то жену привез из больницы, ей нельзя волно-

ваться.

В комнате Насти Руслан и Сева присели на стулья, Виктор Иванович на кровать, он ждал, что скажут гости. Это было похоже на больницу, где умер на операционном столе пациент, и теперь предстояло сообщить о его смерти родным.

– Понимаешь, отец... – начал Руслан, с трудом подбирая слова. – Мы с нерадостными вестями. Ты уж наберись мужества...

– С Настенькой? – едва вымолвил Виктор Иванович.

– Что с Настей, мы не знаем, а вот с Розой... дела плохи.

– Да говорите же...

– Вчера мы обнаружили... нашли Розу и Фаину... Они собирались уехать, продали дом, жили у подруги Ибрагимовых. Фаина вам говорила, что собирается навсегда покинуть город?

– Нет, не говорила никогда, – опустил голову Виктор Иванович. – Чего ж от меня скрыла? Мы ведь ей как родные были. И что же, уехали?

– Они больше никуда не уедут, отец. Их убили.

Некоторое время Виктор Иванович сидел, не произнося ни звука. Новость его потрясла, если не сказать сразила.

– Фаина была очень хорошая женщина, – наконец хрипло сказал он. – Кому понадобилось... за что?

– Сам понимаешь, – потупился Руслан. – У них была крупная сумма, вырученная за дом, денег мы не нашли. Кто-то узнал о деньгах, проследил, где живут, и ночью...

– Лукавите вы, ребята, не хотите правду сказать, – вдруг твердо произнес Виктор Иванович. – Роза убежала от парня моей Насти. А почему убежала? Она не хотела, чтобы знали о ней? Да, так. Фаина надумала увезти Розу? Они же хотели убежать... Продали дом, мне ничего не сказали... От кого они хотели убежать?

– Я ничего пока не могу ответить, – мрачно сказал Руслан, поражаясь отцовской интуиции. – Роза написала записку на английском языке. Вы знаете английский?

– Откуда ж мне знать, – вздохнул Виктор Иванович. – Нас не учили... А кому написала Роза?

– Неизвестно. В записке написано: «Ищи и найдешь. Анкара» Анкара – это столица Турции. Еще одно слово, мы не знаем его значения – «Баринак». Два имени: Лола и Мустафа. Цифры. Потом русское слово, но английскими буквами, «светлячок». И последнее: «Прости нас и прощай».

– Как?! – Виктор Иванович приподнялся с кровати, затем снова сел, потер грудь ладонью и шумно задышал.

– Отец, тебе плохо? – подлетел к нему Сева, встал и Руслан.

– Как написано? Русское слово?

– «Светлячок», – повторил Сева.

В комнату вошла седая женщина, приветливо улыбнулась и сразу же догадалась:

– Витя, это те люди, которые обещали найти Настю?

– Ты... иди... Мы тут... дела, – выговорил потрясенный

Виктор Иванович.

– Я тоже хочу знать, – возразила она и принялась объяснять Севе и Руслану: – Он волнуется из-за меня, а я уже хорошо себя чувствую. Ну, говорите, говорите, не бойтесь.

– Что за бабы! – слабо возмутился Виктор Иванович. – Вечно лезут в мужские дела. Иди, я сказал. Мы уже переговорили.

– Не сердись, Витя, – пролепетала она. – Ну, хорошо, я уйду, только не сердись. Ты потом расскажешь. Предложи молодым людям выпить и закусить. Что ты как бирюк встречаешь гостей?

Она ушла, извинившись, что помешала, плотно закрыв дверь. Руслан уставился на Виктора Ивановича, опасаясь, что у того может случиться сердечный приступ. Чтобы успокоить немного, пообещал:

– Вы не волнуйтесь, начальство передаст дело в соответствующие органы, а те совместно с Интерполом будут искать похитителей вашей Насти.

– Ах, Фаина, Фаина... – промямлил тот пересохшими губами. – Почему мне не сказала? Я бы не допустил... спрятал бы. В Турцию надо ехать, ребята, в Турцию.

– Но это невозможно, отец, – сказал Руслан. – Милиция не располагает такими средствами. Вы уж не сердитесь. А вот убийцы Ибрагимовых живут в России, от нас не уйдут.

– Я не знаю языка... – бормотал Виктор Иванович, словно не слыша. – Бедная Роза... И жену не могу бросить, больная

она... В Турцию надо ехать, там моя Настя...

«Совсем человек помешался», – подумал Руслан и стал прощаться. Виктор Иванович машинально проводил их до двери, что-то шепча под нос.

В машине Руслан ударил в сердцах себя по коленям и выругался.

– Не психуй, – пробурчал Сева. – Мы бессильны ему помочь. Из-за одной девчонки не будут на уши поднимать всю страну.

– Если бы она была там одна. Ты видел, что сделали с Розой? А что там делают с Настей, ты, наверное, догадываешься. Да если бы это была моя дочь, я бы поднял нашу сраную страну не только на уши. Представь на минуточку: государство отняло у них сына и даже не извинилось за это. А какие-то уроды умыкнули дочь. И государство пальцем не хочет пошевелить, чтоб хотя бы девчонку вернуть отцу с матерью. А государством руководят люди. И своих детей они не посылают в Чечню, их дети учатся в Кембриджах. И за своих детей они удавят половину страны.

– Тебя при Сталине тоже расстреляли бы, – вывел Сева, намекнув на деда. – Ну, хорошо, ты прав. И что дальше? Что ты конкретно можешь сделать?

– Да оттого и бешусь, что не могу ни-че-го, – внезапно успокоился Руслан. – Одно обещаю: ублюдков найду, они у меня отгрызут собственные...

– Ребята, вы не уехали! – раздался со двора голос Виктора

Ивановича, он спешил к ним, глаза его лихорадочно блестели. – Ребята, а если я дам вам денег, вы поедете в Турцию за Настей? Поедете?

– Отец, – чуть ли не простонал Руслан. – Где же ее искать там?

– Так... Роза написала. Вы же грамотные, вы же поймете... найдете... А?

– Ну что она там написала! – тоном возражения произнес Руслан. – Мустафа? Лола? В Турции тысячи людей с этими именами.

– Вы говорили: Анкара. Настя в Анкаре, – не унимался несчастный отец. – И то непонятное слово тоже в Анкаре.

– Ну откуда вы знаете, где Настя? – слегка вышел из себя Сева. С помешанными сложно общаться.

– Да ведь Роза написала: «светлячок», – не по делу радовался Виктор Иванович.

– И что? Вы знаете, что такое «светлячок»? – все больше раздражался Сева.

– Да! – воскликнул он с улыбкой. – Это Настенька! Мы ее так называли... она же светленькая, беленькая, как светлячок. Роза написала для нас с матерью: «Ищи и найдешь». Ребята, я достану денег, только... только...

На глаза мужика навернулись слезы. То ли слезы радости, то ли отчаяния. На это уже и Сева смотреть не мог, ему стало стыдно, он опустил голову.

– Да, да, Розочка написала для нас, – убеждал Виктор Ива-

нович. – По-другому быть не может. Розочка не могла нас с матерью оставить в неведении. Она такая хорошая девочка... Ребята... ну сделайте что-нибудь.

– И где же ты раздобудешь денег, отец? – спросил с оттенком пессимизма Руслан. – Надо много денег, не рублей.

– Да что ж, я не знаю?! Доллары нужны, знаю. А дом? Есть люди... с севера приехали, давно облюбовали мой дом. Они хотят купить у соседей, а семейство большое, три семьи, в одном не разместятся, вот и спрашивали меня, не соглашусь ли продать. Им хочется всем вместе по соседству жить. Так из-за меня не купили пока у соседа, ищут варианты... А дом мой вон какой, в хорошем месте, с удобствами, стоит немало.

– Ты соображаешь, отец? А вы куда денетесь? – взывал к разуму Руслан.

– У меня есть хата. Совсем маленький домик без фундамента. Наследство от матери. Я не продавал, думал, Насте в приданое. Захочет – сама продаст, когда замуж выйдет. Или мы со старухой туда переедем, а ей этот дом... Много ли нам нужно, чтоб старость скоротать! Вот. Так как?

– Подумать надо, отец, подумать, – нахмурился Руслан.

– Да что тут думать! – не соглашался Виктор Иванович. – Насте там плохо, сердцем чую. Ребята, десять тысяч долларов хватит? Эти деньги я сразу дам. Мне говорили, что столько в задаток получу... а дом стоит дороже, намного дороже... Остальные позже. А?

– Не спеши, отец, сначала хорошо подумай. И мы мозгами

покрутим. Встретимся через пару деньков и переговорим.

– А вы приедете, товарищ майор? – и так уважительно это прозвучало, с такой надеждой, что Руслан твердо пообещал:

– Обязательно, отец, обязательно.

Он тронул машину с места, вслед неслось:

– Я не передумаю! Слышите? Не передумаю!

III. Два притопа – три прихлопа

1

Руслан думал ровно два дня. К концу третьего у него созрел план. Сгоняв за «сэмом», поделился планом с Севой. Юноша едва не подавился, так как в тот момент рот его был набит едой. Предложение было диким, идиотским... Откашлявшись, Сева выдал:

– Я не умею.

– Научишься. Медведя учат, ты ж не медведь.

– Ты ненормальный. У тебя не все дома, я давно это заметил. Это ты кино насмотрелся, и у тебя окончательно сдвинулся флюгер! Тебе вредно смотреть телек.

– Понимаешь, другого варианта нет, – неторопливо разливая «сэм», сказал Руслан. – Только находясь в той среде, можно выйти на них. Это удар с двух сторон.

– Но почему я?! – взвыл Сева, когда у него прорезался голос.

– А что, я? – удивленно поднял плечи Руслан. – Ты глянь на меня. Мне тридцать пять, это бросается в глаза. Я толстый. И я точно не умею, да никогда уже не смогу.

– А я, значит, смогу! А язык? Я знаю только: фейсом об тейбл. Все.

– Подучишь, – заявил Руслан, вызвав бурю негодования. – Ну, хватит пыхтеть. Вздоргнем давай. И ни одна душа... ни одна...

Выпили. Сева никак не мог успокоиться:

– Нет, как будто это стишок выучить! Как будто я в контрразведке работаю! Я мент. И мне этого достаточно! Я хочу быть простым, нормальным ментом!

– Ты не просто мент, а сыщик. Кстати, не твои ли это слова: «мент» – должно звучать гордо? В общем, возражения отклоняются. Пей, пей пока, Всеволод. С завтрашнего дня у тебя сухой закон. Да, отращивай усы и привыкай к ним.

– А усы зачем?! Они мне не идут!

– Тебя директор ДК видела. Она слеповатая, может, не узнает, а может, и узнает. Усы меняют человека. И волосы отращивай.

– Я подозревал, что тебе, рано или поздно, моча в башку стукнет. Ты... ты маньяк! Ты легавый маньяк!.. Вот посмотришь, тебя опять звания лишат... понизят до лейтенанта. Младшего. Как я тогда посмеюсь, буду злорадно хохотать! Я буду безумно хохотать и не пожалею тебя.

Руслан шурился, всматриваясь в море, вернее, в горизонт. Там, за горизонтом, Турция.

Утром Руслан гуляющей походкой обходил, как он называл, «бабские точки». Это те кабинеты, где заседали дамы. Невзначай задавал вопросы и удалялся, недовольный отве-

тами, хотя недовольство тщательно скрывал. Обошел всех – результат нулевой. У выхода стояли девушки, среди них и Диана, смеялись, о чем-то болтая. Нет, Руслан не какой-то там патриархальный элемент, но Дочка его одним видом из себя выводила. Все бабы как бабы, а она – оперативница! Язык не поворачивался так назвать. Сначала не хотел к ним подходить, а потом решил все же спросить.

– Девочки, здравствуйте.

– Здравствуйте, Руслан Шалвович, – наперебой загалдели те.

– Кто из вас умеет... танцевать?

– Ну, я. И я. Я, – опять галдеж.

Он поднял руку, мол, остановитесь, те замолчали.

– Не просто танцевать, а выкручивать разные... ммм... выкрутасы? – нашел он подходящее слово.

– Вы хотели сказать: па? – спросила Диана. И не придерешься к тону, потому что вопрос выглядел невинно, но Руслан усмотрел в нем большую долю желчи.

– Может, я так и хотел сказать, – пожал он плечами.

– Ну, я умею, – призналась Диана и усмехнулась. – С выкрутасами.

– Да? – кисло поморщился он. – И что же ты умеешь?

– А я балетом занималась несколько лет в самодеятельности, – хвастливо заявила девушка. Он с сомнением разглядывал ее фигуру, для балерины Диана была слишком большая. Видя, что он не верит, девушка обиделась. – Я даже на

пуантах танцевала. Только сейчас вряд ли встану на них. У меня пальцы тогда на ногах были, как...

– За мной, младший лейтенант, – приказал Руслан.

Пришли в кабинет, где на подоконнике курил Сева.

– Для тебя, младший лейтенант, есть задание. – «Лейтенант» просто вязло на зубах Руслана. Нет, где угодно пусть они будут хоть генералами, только не под его началом. Он кивнул в сторону Севы: – Вон, этого лейтенанта следует научить танцевать. Как в балете.

– Вот теперь я с огромным... – и Сева с готовностью прыгнул с подоконника, потирая руки. Кажется, он не воспринял идею Руслана всерьез.

– Вы шутите? – опешила Диана. – Я не хореограф. Я не умею учить.

– Научишься, – коротко бросил Руслан. – Приступайте с сегодняшнего дня. У вас в запасе... полтора месяца. Может, больше, пока точно не могу назвать сроки.

– Вы издеваетесь? – взвилась Диана. – Я, между прочим...

– Младший лейтенант, вы как разговариваете со старшим по званию? – флегматично и одновременно высокомерно сказал Руслан.

– Извините, – буркнула девушка, насупившись.

Руслан с удовольствием отметил, что задание не пришлось ей по душе. А как она хотела? Оперативник не всегда доволен заданиями, но это служба. Он достал листок, взял авторучку и, получая наслаждение от бешеного вида Дианы,

спросил ее:

– Что вам нужно для занятий?

– Концертмейстер! – прошипела она зло.

– Что?

– Не что, а кто! – поправила Диана и дальше очень ядовито объяснила: – Это пианист-аккомпаниатор.

– Сойдет магнитофон. У Севы есть хороший магнитофон. Еще что?

– Тапочки, – сквозь зубы процедила Диана. – Белые.

– Прошу без намеков, – спокойно осадил Руслан девушку.

– Но тапочки действительно нужны, – пропыхтела Диана, ей хотелось расплакаться. Надо же, оперативница сейчас реветь примется, это начинало нравиться Руслану. Но она, кусая губы, вымолвила без слезы в голосе: – Это специальные тапочки, танцевальные.

– Достанем, – записал Руслан. – У тебя, Сева, какой размер?

– Сорок пятый.

– Так, пишем: сорок пятый размер. А у тебя, Диана?

– Вы будете финансировать наши занятия? – поинтересовалась она желчно.

– Разумеется, – ухмыльнулся Руслан. – Так какой размер?

– Тогда платите мне за уроки!

Руслан перевел на нее стеклянный взгляд. Этот взгляд должен был уложить наповал нахалку! Но она упрямо приподняла подбородок. Руслан подумал: «Вот бы пожаловалась

папе, я бы из нее, оперативницы хреновой, отбивную сделал!» Вслух с ледяным спокойствием сказал:

– Обойдешься. Это твое задание. Что еще нужно?

– Зал, где заниматься, – потухла она.

– Пока у Севы дома. Там вас никто не будет беспокоить, живет он один. Итак, проблем нет, кроме тапочек. Пока бо-сиком позанимаетесь. Сейчас я доставлю вас к Севе, и начинайте. Я освобождаю вас от всех служебных обязанностей.

– Он хоть немного умеет танцевать? – проблеяла Диана.

– Абсолютно не умею! – похвастал Сева, пропуская даму вперед.

– Но это невозможно! – вскричала девушка. – Невозможно научить взрослого человека профессиональному танцу... я тоже не профессионал!

– Не скули, – улыбнулся Руслан и не без удовольствия добавил: – Для оперативника нет ничего невозможного. Ты же оперативница? Вот и действуй.

Она фыркнула и поплелась вперед с покорностью рабыни. Теперь ей осталось пожаловаться папе, а там... девушку ждет теплое место, а Руслана – освобождение. Он забросил сначала Диану домой, она прихватила спортивную форму и кассеты. Потом высадил обоих у дома Севы, а сам помчался в казино к Клариссе. Она слушала музыку, ее танцоры отдыхали, сидя или лежа прямо на эстраде.

– Что вас привело ко мне? – приветливо встретила его Кларисса. – Давайте лучше выйдем на воздух, здесь душно.

Очутившись перед входом в казино, Руслан, человек сомневающийся, поинтересовался:

– За сколько времени можно обучить танцу? Хорошо обучить, чтоб парень, как балерун, плясал?

– За пять – шесть лет, – не задумываясь, ответила та.

– Не, не, не! Мне надо за полтора месяца.

– А почему вы завели этот разговор? Вы ведь неспроста пожаловали?

– Дело в том, что мне надо обучить одного парня. Молодого. То есть не просто обучить, а довести до филигранности. Чтоб его любой ансамбль принял с распростертыми объятиями. С ним занимается наш сотрудник, но я сомневаюсь, что у нее получится на пять. Поэтому хочу заручиться вашим согласием. Вы не волнуйтесь, вам хорошо заплатят.

– И сколько же лет вашему молодому парню?

– Двадцать пять.

– Каким танцем он занимался?

– Извините, не понял.

– Ну, классическим или балльными танцами, эстрадным, народным?

– Ни в зуб ногой ни в одном из названных, насколько я знаю.

– Вы в своем уме? – рассмеялась Кларисса, у нее был звонкий и озорной смех. – Это долгий, кропотливый труд. Начинают с детства, когда кости еще не кости, а хрящики. Извините, но бревно научить танцевать нельзя. А ваш парень за

двадцать пять лет превратился в бревно с точки зрения пластики.

– Между прочим, он отлично владеет рукопашным боем...

– Это не одно и то же, – прыснула Кларисса, как девчонка. Остался последний аргумент, до этой секунды Руслан не предполагал им воспользоваться. Он достал фотографию Розы и протянул Клариссе. Она ведь сама говорила, что Настя и Роза занимались танцем у нее.

– Вам знакома эта девушка?

– Да, конечно. Это Роза Ибрагимова, способная девочка...

– Ее убили, – огорошил Руслан. – Мать тоже. Зверски.

Он достиг цели: Кларисса оцепенела, и веселости как не бывало. Не хотел Руслан портить ей настроение, да времени нет, нужно, чтобы она согласилась работать. Кларисса села на ступеньку, опустила голову.

– Как это случилось? – прошептала она.

– Если я расскажу, как это случилось, вы не сможете сегодня работать, – безжалостно добивал ее Руслан. Кларисса должна догадаться, куда попали ее девочки. – Скажу только, что в городе и в окрестностях орудует настоящая банда. В прошлом году была убита еще одна девушка, вернувшаяся, как и Роза, из Турции. Убийц не нашли. А Настя там. Видите, я вам и так сказал слишком много. Добавлю: на след банды выйти пока не удастся. Поэтому прошу вас, очень прошу

помочь подготовить парня. Я вам доверяю.

– Что я должна делать? – без энтузиазма, но согласилась Кларисса.

– Ну, вот это уже разговор, – подсел к ней на ступеньку Руслан. – Вы должны продумать ускоренную программу. Через неделю я покажу вам парня. Вы позанимаетесь с ним немного, часа два-три в день, дадите задание девушке, а она будет муштровать его в остальное время.

– Во всяком случае, попытка – не пытка...

– Нет! Никаких попыток! Сплошная пытка и результат.

– Но я вам не могу гарантировать...

– Зато я могу. И вы сможете, когда подумаете, сколько там девчонок, которых насилуют извращенцы. Они не могут вернуться домой, потому что попали в рабство, а кто-то в бабках купается, как бегемот в озере. И ваши девочки оплачивают им шикарную жизнь своими телами. Никто не поможет им, никто. Кроме нас с вами.

– Вы такой альтруист? – недоверчиво вскинула на него покрасневшие глаза Кларисса.

– Я просто мент. И все. Зайдите к родителям Насти, тогда поймете меня. А как иначе, Кларисса? Если мир наполнится одними негодяями, вы представляете, что будет? Кто-то должен и отпор им давать. Это просто и понятно. Надо помочь, Кларисса, надо. Душу вынимайте из него, но чтоб он заплясал.

– Я сделаю все, что от меня зависит.

2

День начинался так. Диана приезжала к Севе в девять утра, переодевалась, пока он просыпался и завтракал на скорую руку. Мебель сдвинули, освободив середину комнаты. Затем угрюмый Всеволод становился боком к окну, брался одной рукой за подоконник, а Диана, включив магнитофон, командовала:

– Полуприседание. Батман...

И так два часа. Пот с Севы катил градом от непривычного положения и напряжения тела. Безумно болели все мышцы. Сева приступал к занятиям уже уставший, как собака. Он уставал от одной мысли, что предстоит выкручивать ноги. В этот момент он ненавидел Руслана и мечтал его прикончить. Диана тоже была не в лучшем состоянии, что определялось ее отношением к подопечному, она не прекращала стонать:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.